

Юрий Ручкин

ПОД ЗНАКОМ ЛЬВА

Сериал
«Прокурорский надзор»

16+

Юрий Ручкин
Под знаком льва

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ручкин Ю. А.

Под знаком льва / Ю. А. Ручкин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Все события, описанные в романе, являются вымыслом автора. Совпадения фамилий и имен героев, а также места действий случайны. Сюжета, описанного в романе, не было, и не дай бог, чтобы он имел место в реальной жизни. Правда побеждает даже через века. Зло было наказано. Они противостояли и победили.

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Навсегда задержался	6
Таяновский	8
Первый и последний...	13
«Крыша» для «Прогресса»	17
Сейф под бабушкой	19
Кошелек на двоих	24
Рэкет	29
Без вины виноватый	36
Зона	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

От автора

Непревзойденные мечты,
Непревзойденные печали.
Забытый Боже, где же Ты,
Где Твой закон, Твои скрижали?
Нам бы взяться за руки,
Все грехи отмыть,
Пропадет Россия,
Негде будет жить.

Все события, описанные в романе, являются вымыслом автора. Совпадения фамилий и имен героев, а также места действий случайны. Сюжета, описанного в романе, не было, и не дай бог, чтобы он имел место в реальной жизни.

Правда побеждает даже через века. Зло было наказано. Они противостояли и победили.

С уважением.

Часть первая

Навсегда задержался

В небольшом уютном курортном городке, расположенном на берегу Черного моря, в семье Таяновских поселилось горе – осталась жена без мужа, а дети без отца. Бессмысленно и жестоко погиб Юрий Владимирович. Его сыну Игорю было всего два года от роду, а дочери Оле еще не исполнилось и семи лет.

В милиции Наталье Петровне сообщили, что Юру зверски избили, ограбили и оставили умирать недалеко от собственного дома какие-то неизвестные грабители. Их ищут, но все следы скрыл выпавший ночью снег.

Лишь через много лет Игорь столкнется с ненайденными тогда убийцами отца.

Юрий в то время работал на мебельной фабрике начальником смены. В тот трагический для него вечер он возвращался домой в приподнятом настроении: скоро Новый год, жена-красавица дома ждет, дети скучают по сладостям, которые он купил для них, и, кстати, зарплату выдали. От четырехсот рублей оставалось уже триста семьдесят, когда он вышел из гастронома, решив зайти по дороге к Даниловым (нужно было обсудить с братом жены планы на предстоящие новогодние праздники). С собой он прихватил бутылку, ведь за рюмкой проблемы обычно решаются быстрее.

Владимир Петрович Данилов работал слесарем в автоколонне, его жена Клавдия Сергеевна была диспетчером там же. Люди простые, негордые. Таяновские и Даниловы дружили семьями, помогали друг другу. В тот вечер «маленькая», купленная Юрой, сменилась домашней наливкой, и когда мужчины отошли от стола, у обоих в головах было больше понятия, чем в ногах. На часах было девять, жена давно ждала мужа, пора домой.

На улице было сыро, промозгло, срывались крупные хлопья мокрого снега, с моря дул холодный порывистый ветер, пронизывая до самых костей. Снегопад все усиливался, и скоро вокруг стало белым-бело. Ветки деревьев склонялись под непосильной ношей чуть ли не до земли. Он стряхнул снег с небольшой яблоньки, что росла под окном у Даниловых, и сокрушенно покачал головой:

– Вот ведь некстати снег! Так долго тепло было, к зиме толком еще и не приготовились, теперь все сады заломает...

Закутавшись плотнее в куртку, Юрий Владимирович заторопился домой. Метрах в ста от дома в темном переулке дорогу ему преградили трое подвыпивших парней:

– Мужик, дай закурить.

– Не курю, ребята, и вам не советую, – миролюбиво отозвался Юрий.

– Ах, ты не куришь, козел!

Один из нападавших ударил его, и Таяновский упал на землю. Все трое стали избивать его ногами. Били долго и размеренно. Потом сняли с него ондатровую шапку, зимнюю куртку на меху, югославские сапоги, выгребли все из карманов, затащили жертву в кусты и растащили в ночном городе.

Наталья ждала, ждала, да и пошла к Даниловым. Она, может быть, и увидела бы его, если б Юра остался лежать на дорожке, но место было темное, поросшее кустарником. И второпях она пробежала мимо, даже не подозревая, что совсем близко, лежа на снегу, умирает ее муж.

Брат объяснил ей, что часа два назад Юра ушел домой. Наталья вместе с ним обежала всех знакомых, но найти Таяновского не удалось. Зная, что муж нигде не останется с ночевкой, Наталья обратилась в милицию. Не спала всю ночь, металась от окна к окну, к утру, измученная ожиданием и страшными предчувствиями, не выдержала и сама побежала в дежурную часть.

Она успела вовремя: как раз в это время там раздался звонок из дома, возле которого лежал раздетый труп мужчины.

При опознании Наташа с трудом узнала мужа. Лицо было до такой степени изувечено, что страшно было смотреть. Думала, что не переживет его смерть, долго тосковала по нему, вся высохла от горя. Соседки, глядя на нее, только головами качали:

– Как ее, бедную, несчастье к земле прижало, а ведь такая красавица была!

Но жить как-то надо: дети маленькие, их надо на ноги поставить... Все житейские трудности навалились на хрупкие женские плечи, ни одна не прошла стороной.

Работала она продавцом в обувном магазине, зарплата невысокая, на жизнь не хватало, и пришлось подрабатывать сторожем в детском садике неподалеку от дома. Хорошо хоть брат не оставлял, помогал Наталье. Уходя на смену, детей отвозила на ночь к нему, или, бывало, он сам заезжал за ними.

Через несколько лет Владимир Петрович ушел из автоколонны и открыл свое дело. Имея в своем дворе хорошо оборудованный гараж, заняться покраской и рихтовкой автомобилей сам бог велел.

Детей у Владимира Петровича и Клавдии Сергеевны не было, и сестре своей он помогал чем только мог. Игорь для него стал поистине родным сыном, и все свободное от школы время мальчик проводил в гараже с дядей. Домой приходил как чертенок грязный, и мать не зло ругалась: «Тобой машины вытирают, что ли?»

Петрович с Игорем как со взрослым разговаривал, обсуждал важные дела, даже советовался, одним словом, доверял ему, но и спрашивал по-отцовски, если того требовали обстоятельства. Однажды он увидел племянника за гаражом с сигаретой и, подойдя тихонько сзади, спросил:

– Ну, как? Дымок сладкий?

Игорь аж поперхнулся:

– Да я попробовать только хотел!

– Я и не сомневался, что ты только попробовать хотел, – сказал Петрович с серьезным лицом, – ты же курить не будешь?

Игорь бросил сигарету и покраснел:

– Не буду!

Больше, правда, дядька и не видел его с сигаретой до самой армии.

В восьмом классе к Игорю пришла любовь. Он влюбился в одноклассницу, Марину Кромбер, веселую, озорную девушку. Когда они были рядом, Игорю казалось, что она улыбается только для него, и, действительно, она смотрела на него, и ее взгляд теплел, в глазах светилась нежность. Он долго не мог решиться заговорить о любви, но когда с его губ сорвались первые слова: «Марина, ты знаешь, я давно хотел тебе сказать, я тебя очень...», она радостно засмеялась и сказала: «Как хорошо, что ты решился заговорить об этом первым! Я тоже давно хочу сказать тебе, Игорек, что очень, очень тебя люблю!» и поцеловала его в щеку.

С тех пор они почти никогда не расставались. Последние два года просидели за одной партой. Часто после школы оставались учить уроки вдвоем у Марины или у Игоря. Их дружба была чистой и бескорыстной, даже красивой.

Таяновский

Вот и закончилась школьная жизнь. До армии Игорю оставался один год. Марина поступила в институт и училась на юриста. Петрович взял Игоря к себе на работу в качестве помощника, зная, что племянник у него серьезный, неизбалованный, трудолюбивый, да и помощник ему был нужен. Заказов у Данилова всегда хватало, так как в городе его знали как классного мастера многие лихачи. Игорь дядьку уважал, долгое время помогая ему, работу знал на уровне неплохого специалиста, да и любил возиться с техникой. Он с радостью принял предложение, и стали вместе стучать молотками.

Старшая сестра Игоря Оля уже окончила механико-технологический техникум и по распределению уехала в Красноярск, а там вышла замуж. Своя семья, домашние заботы, да и дочь подрастала, – времени свободного мало. В гости приезжала редко, в основном звонила, чтобы поздравить с каким-то праздником. Игорь с матерью оставались вдвоем в двухкомнатной кооперативной квартире. Жили, конечно, не на широкую ногу, а все заработанные деньги Игорь экономно откладывал.

Золотой мечтой его было иметь машину, пусть даже старенькую. У некоторых одноклассников уже были автомобили, Игорю, как их лидеру, не хотелось от них отставать. Денег хватало, чтобы приобрести поддержанную машину, но родственники убедили до армии ее не покупать. Однажды, когда вся семья собралась за праздничным столом, Петрович ему сказал:

– Игорек, говорю тебе при жене и при твоей матери. Буду живой – на второй день после дембеля будет у тебя новая «шестерка». Идет?

Игорь просто ошалел от таких обещаний и с довольным лицом ответил:

– Еще бы!

– Ну все, будем считать вопрос закрытым, – добавил Петрович: он был человек слова.

Дядька, бывало, отлучался: то запчастей надо купить, то масла для работы, Игорю приходилось управляться одному. В один из таких дней часам к десяти подъехал мужчина на стареньком «жигуленке». Попросил поменять тормозные колодки. Обратился к Игорю:

– Паренек, поменяешь колодки?

– Что надо, то и заменим. Загоняйте машину на яму, – деловито ответил Игорь.

Клиент загнал свою машину в гараж, и Игорь взялся за работу. Во время замены они познакомились. Водителя звали дядей Мишей. Когда работа была закончена, он вытащил пятьдесят тысяч рублей и неторопливо протянул их Игорю:

– Благодарю тебя, сынок, быстро управился. На, держи, сдачи не надо.

Игорь посмотрел на него и серьезно ответил:

– А мне лишних не надо, – и протянул двадцать пять тысяч назад.

Дядя Миша саркастически усмехнулся: «Ну, как знаешь», хлопнул дверцей и уехал.

Никто из них даже не подозревал, какой сюрприз приготовила им судьба. Не догадывались они и о том, что через несколько лет им придется встретиться снова, только в другой обстановке, в которой, бывает, даже сильному человеку в одиночку не справиться. Не знали и о том, как помогут друг другу в трудную минуту.

Жизнь у Игоря перед армией шла, как и у всех молодых ребят. Свободное от работы время он с Мариной и друзьями днем проводили на пляже, вечером в дискотеке. Однажды, в Татьянин день, они решили отметить праздник и посидеть в баре с компанией. Их было шестеро: Игорь с двумя друзьями и Марина с двумя подругами. Ребята сдвинули два столика вместе, чтобы все поместились, пили шампанское, весело болтали, наслаждались музыкой, как вдруг в бар ввалился Козырь со своей бригадой. Эту компанию здесь знали не с лучшей стороны, да и остальные бары и забегаловки были с ними «знакомы»: где бы они ни появлялись, случалась либо драка, либо разборка.

Нагло прогнав двух девчонок, чуть ли не вышвырнув их за шиворот, эта «крутизна» разместила за столиком в углу. Достали бутылку и принялись за водку. Выпив все принесенное с собой, минут через тридцать вышли на улицу курить. В это время Марина и ее подружки тоже решили освежиться. Ребята остались одни. Через минуту возвратилась одна из девушек, Светлана, с испуганным лицом и протараторила:

– Эти придурки Маринку тянут в машину, поехали, мол, покатаемся...

Ребята помчались на улицу. Игорь подбежал к машине и вытащил оттуда за руку Марину.

– Отвали, придурок, – заорал на него Козырь, – девочка поедет с нами!

Понимая, что конфликта не избежать, Игорь изо всех сил дважды ударил Козыря, но тот был намного старше и физически крепче, устоял на ногах, только слегка покачнувшись. Марина, вся в слезах, поправляя разорванную блузку, отбежала в сторону к подружкам. Завязалась драка. Конечно, силы были неравные, Игоря с друзьями быки Козыря крепко побили. На этом студенческое застолье закончилось, да и не до веселья уже было: у Таяновского были разбиты губа и правая бровь, друзьям Игоря тоже досталось.

Наутро он пришел к Петровичу на работу, зашел во двор, а тот так и крикнул, удивленный, глядя на племянника:

– Клав! – крикнул он жене.

Та вышла из летней кухни:

– Ну, что там?

– У нас во дворе, по-моему, посветлело...

Клавдия Сергеевна глянула на Игоря и ахнула. Петрович спросил:

– Где же вы, молодой человек, такую громадную противотуманку приобрели?

– В баре с Козырем и его бригадой подрались, они Маринку в машину хотели затащить.

– Вот козлы, – фыркнул Петрович, зная тоже об их проделках. Городок ведь небольшой, так что их «подвиги» были у всех на слуху.

Но эта стычка с Козырем ничто по сравнению с тем, что ждет их впереди, ведь он станет для Игоря врагом номер один, но обо всем по порядку.

Игоря послали учиться на водителя от военкомата, а потом начался весенний призыв в армию. Служить он попал в город Энгельс Саратовской области (там находилась школа младших авиаспециалистов), во взвод авиазаправщиков. Здесь он и познакомился с Павлом Ивановичем Проскуриным. Судьба связала его с Пашкой и бедой, и радостями до конца жизни.

Время в учебке тянулось мучительно долго, но какой бы трудной ни была солдатская жизнь, как говорится: «Солдат спит, служба идет». Пришел день присяги. К Игорю на это торжество приехали мать, дядя Вова с женой и, конечно же, Марина. После торжественной части Игоря и Пашу отпустили в увольнение. Дядя Вова достал из-под полы «двадцать капель» и, как всегда, серьезным, официальным тоном произнес:

– Что за солдат, если в увольнении сто грамм не выпьет!

Женщины стали на него ворчать, что таким молодым солдатам пить нельзя:

– Два дня служат, а ты им водку предлагаешь!

– А я всегда в увольнении выпивал, ничего ведь, и даже молодым, да еще примерным солдатом был, – с той же серьезностью ответил Петрович.

Жена только рукой на него махнула:

– Бесполезно спорить, все равно по-своему сделает.

Посидев за праздничным столом, Игорь с Мариной ушли гулять по аллее Героев. Паша, чтобы не мешать, понимая, что им надо поговорить, остался с родственниками Игоря, да и стол выглядел уж больно аппетитно. К Паше издалека никто не мог приехать, а он любил покушать, да и какой солдат не любит хорошо поесть!

Родственники побыли еще денек-другой и, попрощавшись с Игорем, уехали домой. Полгода пролетели быстро, конечно, не для друзей. До дембеля было еще рано считать дни.

Обычно за сто дней до приказа соблюдался солдатский неофициальный ритуал: какой-нибудь «молодой» кричал в казарме: «Старики, день прошел!», а те, в свою очередь, беззаботно и артистично отвечали: «Ну и хрен с ним!» Тогда «молодой» снова кричал: «До дембеля осталось тридцать дней», а сержанты хором: «Ура!»

Перед экзаменами Игорь немного волновался, так как знал: тех, кто сдавал экзамены в учебке на «отлично», направляли на дальнейшую службу в Белоруссию, на Украину, ну а тех, кто «удовлетворительно», – в Тикси, где девять месяцев совсем не жарко и на улицу сильно нос не высунешь.

Игорь и Паша попали служить в Белоруссию, в город Бобруйск. Небольшая часть обслуживала военный аэродром, где снаряжались тяжелые бомбардировщики.

Пашка был очень темпераментным молодым человеком, любил поговорить и пошалить. Игорь спрашивал:

– Паш, вроде бы сибиряки – народ молчаливый, а ты, как южанин, заводной.

Тот только отшучивался:

– А я не знаю, каких я кровей на самом деле! – и начинал на пальцах перечислять: – Мама русская, папа украинец, да и татары по России хаживали... Кто я по национальности?..

Игорь вздохнул и серьезно ответил:

– Наверное, аравин.

Эти двое топливозаправщиков так сдружились, что были не разлей вода. Куда ни глянь, если есть Пашка, там будет и Игорь, и наоборот. Организатором всех злодейских замыслов был Проскурин. Он был шустрым, практичным парнем. Кто как не он знал, кому бензин продать, где запчасти на самогон обменять. Командир роты майор Суслов называл его чепешником и дестабилизатором военной и политической подготовки, говорил, что от Павла одни неприятности, и дал ему кличку Бандит. Тут он, конечно, преувеличивал и самую ответственную работу поручал друзьям. Пашка на него не обижался: не на что было. Свою «Волгу» мыть и заправлять командир доверял только ему. Как-то попросил он Павла машину помыть. Тот, когда протирал внутри, обнаружил в кармане сиденья какую-то плоскую никелированную емкость литра на полтора. Любопытный солдат открыл, принюхался – вроде бы спирт – и побежал к Игорю:

– Бросай все к черту, сейчас у Суслова спирт подженим.

Игорь был в недоумении:

– Да объясни спокойно, в чем дело?

Павел отдышался и рассказал о находке. Сидя на капоте машины, Игорь смотрел на друга, как на шкодного мальчишку:

– Паш, он же нас прибьет.

– Да ты не бойся, мы чуть-чуть, а потом водой разбавим. Она полная, он и не поймет ничего.

Игорек знал, что с Пашей спорить нельзя. Не согласись с ним, все равно сделает сам, а от друга отставать нельзя, обидится.

На следующий день взвод находился в автопарке, где занимался плановыми работами по обслуживанию техники. Майор Суслов дал команду дневальному:

– Срочно ко мне Таяновского и пр... – он чуть не заматерился. – Проскурина, только бегом!

На бегу Игорь ругал Пашку:

– Говорил же тебе, остолопу, не надо лезть, а ты без приключений, как без пряников.

Пашка, тяжело дыша, огрызнулся:

– Пусть дальше прячет, знает же, что я не удержусь, все равно отолюю. На губу не посадит, убить не убьет, так что не переживай, браток, и вообще, как будто тебе насильно кто-то в рот заливал.

Игорь замолчал. Возле канцелярии начали застегиваться и поправляться. Ротный, сурово глянув на них, крикнул:

– Ну что, алкаши, долго вас еще ждать?

Пашка вошел первым. Сулов ждал их, как никогда, был очень сердит и даже слегка поколотил друзей, а в наказание заставил их закидать пять тонн угля в кочегарку, но только после работы в парке, в личное время. Они шли назад в парк молча, потирая ушибленные места. Игорь вздохнул:

– Хорошо, что он сегодня в настроении.

– Мотал я такое настроение, – ответил Пашка, потирая руку.

Сулов действительно был суров, но справедлив, никогда незаслуженно солдат не наказывал, был из тех офицеров, на которых держится армия.

Много еще у Игоря с Пашкой было приключений, но время бежало неумолимо: вот и сто дней до приказа осталось. Все старики отметили это событие достойно, так как к нему готовились очень тщательно и заблаговременно.

Марина Игорю писала на протяжении всей службы, а вот Пашкина невеста – с полгода, а потом где-то потерялась. Ну, он сильно и не расстроился, как некоторые другие, стреляться, во всяком случае, не стал.

Наконец, пришел долгожданный день, когда можно было надеть тщательно подготовленную дембельскую парадку со всеми заработанными за время службы наградами. Уехали они в один день, как им и хотелось. В их программу входило заехать на пару дней к другу, затем к Игорю домой, как минимум на неделю, ну а потом... видно будет. Игорю не терпелось увидеть свою новую «шестерку» и покатать на ней Пашку и Марину. Но в Анапу попали только через неделю, и то слава богу, так как по дороге домой заезжали к своим сослуживцам.

Племянника уже ждал обещанный презент. На следующий день родственники затеяли отметить их приезд. Марина с подружкой Викой помогали Наталье Петровне накрывать на стол. Паша сразу положил на Вику глаз. Еще бы: высокая, красивая девушка, как картинка. Уловил момент, когда никого поблизости не было, и засыпал Игоря вопросами о ней. Тот сам толком ее не знал, ответил, что она однокурсница Марины. Узнав, что после института Вика будет следователем, Пашка от удивления аж рот открыл.

– Следователем?! – он вскочил с дивана и завопил, как будто уже был женат на Вике. – Нет-нет, только не это! Чтобы жить с прокурором в одной квартире?! – Он немного повысил ее в должности. – Сесть раньше времени, ну уж нет!

Игорь поглядел на него, улыбнулся и спросил:

– Паш, а почему развестись нельзя будет?

Павел размахал перед ним руками:

– Брат, она же все нажитое богатство при разделе отсудит!

И оба друга закатились от смеха. Вечером родственники и друзья собрались за праздничным столом. Как обычно было принято у Таяновских, первый тост был за Петровичем. Он поднял бокал с вином и произнес:

– Выпьем за наших орлов, которые честно отдали долг Родине! – Выпив вино до дна, он достал из кармана ключи и продолжил: – Это, Игорек, мое обещание.

Игорь, конечно, знал уже, что машина стоит у Петровича во дворе, подскочил со стула и начал обнимать дядьку. Радости не было границ.

Гулянье шло по полной программе: Паша, танцуя с Викторией, уже не боялся, что она отсудит нажитое богатство, и что-то, не умолкая, рассказывал. Родители сидели за столом, смотрели на танцующую молодежь, радовались, глядя на них. Наталья Петровна смотрела на Игоря и замечала, как сильно возмужал сын за эти два года.

– Вот и дождалась, – вздохнула она.

Игорь, не замечая ничего, крепко обнял Марину и танцевал с ней, увлеченно о чем-то рассказывая.

Уже за полночь гости стали расходиться по домам. Пашка ушел провожать Вику, а мать – к брату, чтобы не мешать молодым. После того как проводили гостей, Игорь и Марина остались наедине.

– Эх, как же я скучал по тебе, Мариночка: – со вздохом произнес он.

Она ничего не ответила, только положила голову ему плечо и нежно обняла обеими руками, а потом подняла свои сияющие от счастья глаза и тихонько сказала:

– Я так долго ждала момента, когда вот так обниму тебя, что, наверное, могла бы просидеть с тобой целую вечность. Как же мне хорошо!

– Давай потанцуем? – предложил Игорь.

Он включил магнитофон, и зазвучала негромкая приятная музыка. Обняв Марину, он уже больше не мог сдерживаться и стал страстно целовать ее, и она отвечала взаимностью. Игорю казалось, что в мире не осталось ничего, кроме ее нежных губ и сияющих глаз. Не отрываясь взглядом от ее такого любимого лица, осторожно взял за руку и медленно повел в спальню. Видимо, приходит время, жизнью или Богом назначенное, когда девушка хочет стать женщиной с любимым человеком. Они стали медленно раздевать друг друга, плавно опускаясь на постель. Марина нежно позвала Игоря:

– Иди ко мне, милый, только не спеши, потихоньку...

Они с головой окунулись в потоки любви и не могли насладиться друг другом...

Паша появился ближе к утру. Они с Викой гуляли по ночному городу, одетому в весеннюю зелень. Пахло морем и цветами, рядом была очаровательная девушка, и, конечно же, ему не хотелось уезжать. Но как бы ни был прекрасен южный город, родина есть родина, дома ждут родители, друзья. Погостил еще несколько дней и засобирался домой. С Викторой у него завязалась дружба, договорились звонить друг другу. Ей тоже понравился этот остроумный, симпатичный молодой человек.

Игорь с Мариной все время проводили вместе. Как-то вечером заглянул к ним в гости Петрович. Влюбленные были на кухне, пили чай, разговаривая о чем-то своем. Дядька присоединился к ним:

– Ну что, Игорек, чем будешь заниматься? Пожениться не надумали?

– Да нет пока, решили до окончания института подождать.

– Ну, давай ко мне назад, а там видно будет.

– Я тоже так думаю, – ответил Игорь.

И Таяновский с Петровичем снова стали работать вместе.

Осенью Игорь поступил на заочное отделение экономического факультета и продолжал работать с дядькой.

До конца учебы со свадьбой ждать не пришлось: первая ночь любви принесла свои плоды. Поговорил с родственниками, решили обойтись без пышной свадьбы, а ограничиться семейным вечером. Проскурин, конечно, не мог не приехать на такое торжество к другу, да и не только поэтому он спешил в Анапу: Вика с нетерпением ждала своего любимого и очень по нему скучала.

Марина не успела защититься до рождения дочери и перевелась на заочное отделение, теперь все ее время занимала новорожденная дочь, которую называли Танюшей. Молодые родители были в восторге от ребенка, и казалось, что счастье навсегда поселилось в их доме.

Первый и последний...

Проскурин тоже попытался поступить в институт, но неудачно. Один знакомый взял его барменом в свой ресторан, где Пашка быстро вник в работу, и у него неплохо получалось. Коллектив любил его за общительность и юмор. Работа устраивала: неделю работай, неделю отдыхай, да и деньжата всегда водились. С Викой постоянно перезванивался, а после защиты диплома приехал за своей любимой – они давно так решили. Родители Вики видели, что у них все серьезно, и не возражали против брака. Назначив день регистрации и пригласив Таяновских, Паша с Викторией уехали в Челябинск. Свадьба была с размахом: родители не посчитались с затратами для своих детей. Невеста и жених были на седьмом небе от счастья. Медовый месяц провели на побережье в Болгарии. Вернулись загорелые, удовлетворенные поездкой. Но время отпусков закончилось, и жизнь потекла своей чередой, становясь обыденной и монотонной.

Продолжая работать в баре, Павел поступил на заочное отделение в колледж. Вика работала в прокуратуре следователем, работу свою любила, и через некоторое время им улыбнулось счастье – дали однокомнатную квартиру. По большому счету, это была заслуга не Вики, а ее шефа, которому она очень приглянулась. Он пытался ее опекать и ухаживать за ней. Разумеется, Вика замечала, что шеф равнодушен, но пока никакого повода не давала. Прокурор был видным мужчиной: молодой, разведенный, обеспеченный – в общем, перспективный. Но Вика этим не прельстилась, хотя он был ей симпатичен, относилась к нему с уважением.

В один обычный день пришла она на работу, а все сотрудники бегают с цветами, свертками. Оказалось, что у шефа день рождения. Он, как и положено, накрыл небольшой стол – шампанское, сладости, чтобы как-то отблагодарить сотрудников за поздравления. После застолья, когда все разошлись по домам, он предложил отвезти Вику домой, и та согласилась. Всю дорогу жаловалась на жизнь:

– Валентин Карпович, да ведь он у меня до двенадцати часов работает, а домой раньше часа не попадает. Это разве жизнь? Если и вижу его, то только по утрам.

Он слушал, соглашаясь с ней и, между прочим, предложил заехать к нему попить чая:

– Муж ведь придет еще не скоро, а дома одной скучно.

Вика не стала отказываться.

Валентин Карпович жил в частном доме в одном из престижных кварталов, которые люди называли «трущобами». Войдя с ней в дом, шеф развел руками:

– Вот так и живем, средне.

– Не скромничайте, – ответила Вика, ведь дом был обставлен с претензией на роскошь.

Шеф достал из бара бутылку шампанского, хлопнул пробкой, подал Вике широкий бокал. Она пила шампанское машинально, так как была уже навеселе. Потекла непринужденная беседа. Шеф уловил момент, когда Вика вышла в туалет, подлил в бокал с шампанским еще и сухого вина, дабы она сильнее захмелела, надеясь, что она и так выпила лишнее и вкуса не поймет. Так и случилось – выпила ерша, ничего не заметив.

Валентин Карпович поставил диск с медленной музыкой и чопорно пригласил ее на танец. Они кружились по комнате, шеф нежно обнимал ее. Попытался поцеловать, она слегка отстранилась, что-то ему говоря, но он не слышал или не хотел слышать и начал целовать ее в шею и в губы. Она не сопротивлялась и стала отвечать на его поцелуи. Валентин, понимая, что Вика сегодня будет его, подхватил ее на руки и отнес на диван. Она смотрела на него горящими глазами, крепко обняв Валентина, отвечала взаимностью. Он раздевал ее, целуя шею и грудь, Вика трепетала в его объятиях. Первый раз она занималась любовью не с мужем, а с другим мужчиной. Целый час они наслаждались страстью любви.

После сладостно проведенного времени Валентин предложил Вике переехать к нему жить. Обещал, что ее ожидает большая перспектива в будущем, если она будет с ним. Вика ответила:

– Я не могу вот так сразу все бросить – мужа, дом.

– Хорошо, не торопись, подумай, как следует, и реши, что для тебя лучше...

Вика ничего конкретного Валентину пока не ответила, хотя он и устраивал ее как мужчину. Время подходило к двенадцати, и ей нужно было ехать домой. Быстро собрались, и Валентин повез свою «подчиненную», пока муж не вернулся с работы.

– Слава богу, успели, – говорила взволнованная Вика, – света в квартире еще нет, значит, не пришел.

Быстро попрощавшись с любовником, побежала домой. Сразу легла спать, хотела скрыть, что вернулась недавно. Минут через десять пришел Павел, немного под хмельком. Он сел смотреть телевизор, поглядел какой-то фильм и пошел к жене под бочок.

– Как можно уснуть возле такой красивой и нежной женщины, – говорил он, глядя ее по спине.

Вика пыталась быть с ним ласковой, чтобы не вызвать подозрений, а в голове все еще был Валентин. «Хоть бы сегодня не залететь, а то потом не будешь знать, от кого ребенок», – думала Вика, занимаясь любовью с мужем.

Так у нее завязался служебный роман, который со временем перерос в большую любовь. Несмотря на разницу в пятнадцать лет, Вика с Валентином очень сильно друг друга полюбили. Паша стал замечать, что от жены потянуло холодком. Он пытался выяснить у нее, в чем дело, но она всегда дипломатично уходила от ответа: то устала, то приболела, то настроение не то. Пашка, в свою очередь, стал задерживаться на работе, с друзьями, домой часто приходил пьяным. Но Вике было уже все равно, она не ругала его за это.

И вот один человек рассказал Павлу о романе его жены. Это был заместитель шефа. У них произошла какая-то ссора по работе, и он решил таким образом отомстить. Павел не очень доверял доносам и решил, что нужно убедиться в измене самому, ведь ему передали полный расклад: где встречаются любовники, в котором часу.

В этот вечер Пашка попросил сменщика подменить его. Часов в шесть подъехал к дому прокурора со своими друзьями, остановились в укромном месте и пили пиво, наблюдая за домом. Подъехала черная «Волга», и оттуда вышли прокурор и Пашина «любимая жена».

– Вон они, мужики, – показывая на подъехавшую к дому машину, горько усмехнулся Пашка. Викуля, любимая жена, с этим фраером. Прямо как в кино!

– Что думаешь делать? – спросили друзья, вытаращив на него глаза.

– Тихо, мужики, спокойно, – не отрывая глаз от этой «Волги», сказал Пашка, – морды будем бить потом, а сейчас спокойно, Павел Иванович, – и успокаивающе погладил себя рукой по груди.

Любовники загонять машину во двор не стали, так как часа через два Вика по их любовному графику должна быть дома, дабы успеть до прихода мужа. Как бы там ни было, к окончательному разрыву с Павлом она была еще не готова: то ли боялась, то ли какие-то чувства оставались, то ли совесть не позволяла после их пылкой любви так подло его бросить.

– Мужики, сможем открыть это корыто? – кивнул Паша на прокурорскую «Волгу».

– Паш, это очень хлопотно будет, машина ведь не конюха, а прокурора, – сказал один из ребят.

– Да воровать ее никто не собирается. Я просто посижу сзади.

Они глядели на Пашку в ожидании дальнейших действий: чем же закончится эта детективная история?

Один из друзей был мастером-механиком, и открыть дверь ему плевое дело.

– Паш, ноль проблем, – сказал он, – но только, если что, я не при делах.

– Лады, – ответил Пашка.

Когда у Валентина в доме зажегся свет, Виктор подошел к машине и, не напрягаясь, открыл заднюю дверь. Друзья Проскурина остались в засаде, ожидая, чем же закончится эта сцена. Пашка сел в «Волгу» и стал ждать неверную жену, чтобы посмотреть ей в глаза. Разные мысли лезли в голову, но настроил он себя так: «Бить никого не буду, да и смысла нет, в такой ситуации настоящие мужчины, убедившись в измене, просто уходят».

Ждать пришлось часа полтора. За это время Пашка сигарет пять выкурил. Свет в доме погас, и любовники вышли к машине. Пригнувшись за водительским сиденьем как можно ниже, подумал: «Стекла зазеркалены, в салоне темно, может, и не заметят в суете». Так и вышло. Валентин сразу завел машину и ждал, пока сядет Вика. Она удобно уселась на переднее сиденье, достала губную помаду и зеркальце.

– Любимая, сколько мы еще будем играть в прятки, переходи ко мне жить, – сказал Валентин.

– Поехали скорей, милый, а то мой должен уже прийти, – ответила Виктория взволнованным голосом.

Паша не выдержал, сел прямо по центру заднего сиденья и, немного наклонившись к ним, запел: «Не сыпь мне соль на рану!» Ошарашенные любовники никак не ожидали увидеть кого-то в закрытой машине, а уж тем более его. Они сидели с открытыми от удивления ртами и недоуменно глядели на Пашу. Тот закончил петь и обратился к Вике:

– Ну что будем делать, любимая?

Виктория еще не пришла в себя и беспорядочно хлопала глазами. Валентин вообще не понимал, в чем дело, и обратился к любовнице:

– Вика, это кто?

Паша, не дождавшись ответа, так как на время речь у жены отнялась, ответил за нее демонстративно официально:

– Я, господин прокурор, муж вашей любовницы.

У того глаза открылись еще шире, а голове пронеслось: «Хоть бы не пристрелил».

– Да вы не пугайтесь, я без пистолета и абсолютно трезвый, – сказал Павел, выходя из машины.

Любовники смотрели друг на друга, оценивая обстановку. Павел подошел к окошку со стороны Валентина и обратился к Вике:

– Завтра, дорогая, я подпишу тебе вольную и заберу вещи. Удачи вам и красивых детей, как ты мечтала.

В оправдание от любовников не прозвучало ни слова, они еще никак не могли прийти в себя, а позже, обдумав, были даже рады, что получилось именно так, ведь рано или поздно их отношения всплыли бы на поверхность.

Пашка перед друзьями сделал вид, что сильно не расстроился, а на душе было тоскливо, хоть волком вой, ведь он сильно любил Вику. Друзьям он дал слово, что официально женился в первый и последний раз.

– А теперь поехали, ребята, бухать! – сказал Павел, садясь в машину.

Те с удовольствием согласились, ведь надо было снять стресс, а лучше всего это сделать национальным русским напитком.

Вот так и закончилась семейная жизнь у Проскурина. Из квартиры он ушел жить к родителям, а Вика переехал в дом прокурора – нового мужа. Через год Павел закончил колледж, но продолжал работать барменом. Он все чаще приходил домой выпившим. Родители переживали, что у сына не сложилась жизнь, и советовали начать все заново с другой девушкой. Сын категорически отказывался заводить новую семью, говорил, что достаточно и одной таблетки, чтобы «клиент созрел».

Родители Паши работали на металлургическом заводе: отец был начальником прокатного цеха, а мать бухгалтером; брат Вовка еще ходил в школу в десятый класс. Пашка продолжал пить и не знал, чем заниматься: не было никакой цели в жизни. Отец говорил официальным тоном:

– Вам, Павел Иванович, немного осталось до кодировки, если вы таким темпом пить будете.

Павел уходил от ответа, он и сам прекрасно понимал, что в жизни надо что-то менять. И тут подвернулось вакантное место. В заводской оздоровительный комплекс требовался руководитель, а жилка организаторская у него была. Отец поговорил с ним и убедил сына взяться за ум:

– Место очень перспективное, и люд там всякий отдыхает – в основном, конечно, начальство, а ты общительный, с людьми можешь ладить, вот и пробивай себе место в жизни.

Пашка согласился с предложением. Отец, Иван Романович, поговорил с директором завода, которого уже лет тридцать знал, так как работать начинали за одним станком. Старый друг дал свое добро. Таким образом, Проскурина продвинули на руководящую должность.

Паша стал директором оздоровительного комплекса и со всей своей энергией окунулся в работу: ознакомился с новой деятельностью, нашел общий язык с коллективом, и дела пошли в гору, да и жизнь стала налаживаться. Появилась у него и новая женщина – Катерина. О женитьбе он, конечно, и думать не хотел. Ему нравилось общаться и проводить с ней время, но не более того. Серьезных планов пока не строил. Она, правда, намекала на брак, но ответа никакого не получала.

«Крыша» для «Прогресса»

В семье Таяновских все было по-другому: царили мир и любовь. Игорь успешно защитился, и, конечно, молодому, образованному человеку захотелось открыть свое дело, да и хватку он имел хозяйскую. Прекрасно понимал, что всю жизнь у дядьки не проработаешь, да и молотком надоело стучать.

В это время как раз вышел закон «О фермерстве и предпринимательстве». Банки стали давать льготные кредиты. Игорь посоветовался со своими домашними и Петровичем и решил открыть свое предприятие. В «Югбанке» у Таяновских были знакомые, они помогли Игорю взять кредит. Возможно, сам он никогда бы не получил его, тем более такую сумму – один миллион рублей. Арендовали бывшую лесоторговую базу, закупили необходимую деревообрабатывающую технику. Марина занялась юридическими вопросами, а Игорь кадрами. Дело потихоньку двинулось. Позвонил Пашке по поводу поставки леса. Тот все это отрегулировал, так как у него уже были хорошие связи. Из Челябинска пошли вагонные поставки. Ну вот, дело и начато.

Фирму называли «Прогресс», и действительно, она быстро развивалась, оправдывая свое название. Там можно было купить любые стройматериалы из древесины. После обвальная гиперинфляции тот миллионный кредит, с которого начиналось производство, для «Прогресса» был равен нулю. В городе фирма Таяновских была весьма известна. Многие строительные организации, и не только городские, заключали договоры на поставку стройматериалов. Игорь теперь уже был не Игорьком, а Игорем Юрьевичем, руководителем солидной фирмы.

Как-то утром зашел к нему один клиент, представился Михаилом Андреевичем, попросил помочь его горю.

– Смотря какому горю и смотря чем, – ответил Игорь.

– Сгорел я дотла... Может, вы слышали? – начал Михаил Андреевич.

Город был небольшой, и Игорь действительно слышал про пожар.

– Какие-то ворюги, что смогли, вынесли, а потом подожгли. Дом щитовой, за двадцать минут сгорел. Я был на работе, а соседи, как ни старались, не смогли погасить огонь... А я вас помню, вы машины ремонтировали. Мне колодки когда-то меняли, еще и сдачу принесли с полтинника, при этом сказав, что лишнего не надо, не помните?

– Может быть, не припомню. Вы посидите, я сейчас приду.

На территории Таяновский нашел кладовщика Жукова.

– Сколько у нас в наличии бруса?

– Кубов пятьдесят, – ответил тот.

– Сейчас придет человек, отпустишь десять кубов – все на меня, – дал распоряжение Игорь.

В кабинет он вернулся минут через десять. Усаживаясь за рабочий стол, ответил погорельцу:

– Есть у нас такая возможность немножко вам помочь. Подойдете к кладовщику, он отпустит вам десять кубов леса, я распорядился.

Как раз зазвонил телефон, Игорь поднял трубку. Звонил партнер по бизнесу, разговор предстоял серьезный.

– Но у меня денег нет пока, – начал было Михаил Андреевич.

– Считайте, что это гуманитарная помощь.

– Да такое только по телевизору показывают!

– Люди же должны друг другу помогать.

– Даже не знаю, как благодарить вас, – развел руками Михаил Андреевич. – Всего доброго, Игорь Юрьевич.

Где-то к обеду в кабинет Таяновского без стука зашли двое молодых парней, коротко подстриженных, спортивного телосложения. У Игоря в кабинете находилась секретарша, они разбирали какие-то рабочие документы. Наташа поняла, что надо удалиться.

– Ну ладно, Игорь, я попозже зайду.

– Я вас слушаю, молодые люди, – официальным тоном сказал хозяин кабинета.

Те, нагло увалились в кресла, и один из визитеров тоже официальным тоном начал разговор:

– Мы вот по какому вопросу, Игорь Юрьевич. Ваша фирма, насколько мы знаем, процветает.

– Ну и что? – перебил Игорь. – Трудимся, чтоб цвела. Вы конкретнее, ребята, что вы хотели, мне попусту некогда говорить, давайте сразу к делу.

– Тогда без вступления, чтоб вас от дел не отрывать: надо немножко делиться, братва на зоне голодает, а там оказаться любой может, то есть нужна помощь. Вы нам будете помогать, а мы вам. Дадим свою крышу, чтобы никто вас не мог обидеть.

Таяновский ухмыльнулся:

– Да нет, ребята, мне бояться некого, налоги я плачу исправно и своевременно, законов не нарушаю, а что касается крыши, так она у меня есть, – и показал глазами на потолок.

Первый из визитеров недовольно процедил сквозь зубы:

– Уважаемый, та крыша, на которую ты показываешь, ненадежна и может рухнуть в любую минуту прямо тебе на голову, когда ты будешь вот так сидеть с телефонной трубкой в руке. Мы тебя, короче, не торопим, подумай хорошо и прими мудрое решение, а завтра позвоним, – и они, не попрощавшись, поднялись и, открыв ногой дверь, ушли.

Игорь никак не мог настроиться на рабочий лад. Перед глазами стояли две эти наглые рожи, никак не мог забыть о разговоре, да о нем и стоило помнить. «Это быки Козыря, сто процентов, они по всему городу поборы снимают, значит, теперь не отстанут», – подумал он, но конкретно пока еще не знал, что можно предпринять, чтобы как-то защититься.

Дома он никому не сказал о посетителях, чтобы раньше времени не тревожить родных, но знал, что эти козлы просто так не отступятся и обязательно позвонят. На следующий день он даже не поехал в банк, ожидая звонка. Так и случилось: в десять часов утра зазвонил телефон.

– Игорь Юрьевич, доброе утро. Это беспокоят вас вчерашние гости. Что вы надумали, что решили? – довольно ехидно спросил незнакомый голос.

Таяновский, немного помолчав, ответил:

– А что мне думать? Работаю я честно и отстегивать никому не собираюсь.

– Ну что же, бог в помощь, счастья и здоровья вам, – с угрозой сказал голос с той стороны телефона, потом в трубке раздались короткие гудки.

– Медлить нельзя, эти пойдут на все, надо нанимать охрану, хоть и дороговато, ну черт с ними, с деньгами.

Всех домашних предупредил, чтобы были предельно осторожны, и в тот же день нанял охрану в офис. Теперь у входа стояли качки, готовые по приказу хозяина выкинуть из офиса кого угодно. Дочь Танюшу телохранитель утром отвозил в школу, а после уроков забирал. Мать лишний раз по городу не гуляла, а с Мариной старался ездить только вдвоем, одну далеко не отпускал.

Игорь понимал, что за Козырем и его братвой стоит кто-то посолиднее, стал наводить справки. Но фигура пахана была сильно засекречена, Игорю только удалось узнать, что его кличка Белый и он хозяин ресторана «Жемчужина».

Сейф под бабушкой

Свою преступную деятельность Белый начал в семнадцать лет в городе Златоусте, где и проживал. Родители Владимира Ивановича Беякова постоянно пьянствовали. Денег от зарплаты до зарплаты не хватало, и, соответственно, за сыном никто не присматривал, воспитывала его улица да алкаши из ЗК. Старших Беяковых хотели даже лишить родительских прав, но, слава богу, дядька родной работал в милиции и часто покрывал. Но он не смог спасти племянника от тюрьмы, когда тот, будучи пьяным, ударил человека бутылкой по голове. Скорая увезла пострадавшего с сотрясением мозга. Итак, первая судимость – статья двести шестая, часть вторая. Беяков был лишен свободы на три года.

Двоюродный брат Белого Андрей Иванович Куц в это время учился в юридическом институте. Правды ради надо сказать, что там фактически «учились» отцовские погоны. Андрей в институте только числился и, бывало, неделями не посещал занятия. Пару раз его даже хотели отчислить, но любящие родители улаживали все подарками.

Белый, выйдя на свободу, вроде бы сразу взялся за ум. В зоне он получил специальность токаря. Дядька, майор милиции, видя, что племянник хочет встать на путь истинный, устроил его на работу. Но старых друзей Белый не забыл, и надолго его не хватило. На работе познакомился с девушкой Светланой, которая была нормировщицей, стал с ней встречаться. Белый свое истинное лицо скрывал, не показывал, кто он на самом деле, старался быть правильным и культурным. Но, проводив Свету со станции домой, напивался со своими старыми друзьями до чертиков.

Она эту сторону медали, разумеется, не видела, считала его серьезным, рассудительным человеком и в мечтах строила планы на будущее. «Ну и что, подумаешь, в молодости подрался, посадили, с кем не бывает, людям свойственно ошибаться», – думала она. Ну а Белый, в свою очередь, думал по-другому: «Баба она неплохая, но уж больно правильная. Долго ей мозги пудрить я не смогу, все равно где-то проколюсь», да и о семейной жизни думать ему было рано, его ждало другое будущее. Уже хотел было порвать с ней: «Не стану приходить, да и все, пусть думает, что нашел другую», если бы не секрет, который открыл ему семилетний Толик, брат Светланы.

Однажды вечером они собрались в кино. Белый пришел к Свете чуть раньше, та еще не успела собраться.

– Ты посиди на кухне, а я быстро оденусь, – попросила она.

«Жених» в ожидании заигрался с Толиком: стал показывать мальчику перочинный нож, у того аж глаза загорелись. Он подошел к Белому и негромко сказал на ухо:

– Дядя Вова, если ты мне подаришь этот ножик, я тебе открою нашу семейную тайну.

Белый заинтересовался.

– Смотря какая тайна, – ответил он, набивая цену, – и равнозначный ли будет обмен.

– Думаю, что да, – снова шепнул ему на ухо Толик.

Только не знал мальчик, что тайна слишком дорого обойдется его семье.

– Ладно, уговорил, делаем баш на баш, – сказал Белый, чувствуя в словах Толика что-то очень интересное.

– Только никому не говорите, – попросил мальчик, – а то родители меня сильно ругать будут.

Белый согласился.

– У нас под бабушкиным матрасом очень много денег лежит. Она почти не выходит из комнаты – болеет. Мама говорит, что это самый надежный сейф, на эти деньги мы хотим купить машину.

У Белого кровь в голове застучала от такой новости. Он тут же отдал Толику перочинный нож. Тот стал скакать от радости по всей кухне. «Жених» взял его на руки и предупредил:

– Ты же мужик, Толик, никому не говори про наш обмен.

Тот согласно закивал головой, рассматривая нож.

В кинотеатре шла какая-то комедия. Света сидела, заливаясь смехом, а Белый ничего не видел: смотрел на пустой экран и обдумывал, как выкрасть деньги. Проводив «невесту» домой, он зашел к брату. Уединившись с Андреем, рассказал о «тайнике». У того загорелись глаза, он самым внимательным образом выслушал брата. Они уже не раз вместе чистили карманы у пьяниц, частенько дежурили возле института в день стипендии и отбирали деньги у первокурсников.

Андрей в этих делах был похитрее и поумнее брата. Белый это знал, поэтому и пришел, чтобы он возглавил операцию «Сейф под бабушкой», так как кража серьезная, одному идти было страшновато. Пару дней они тщательно обдумывали дело и пришли к мнению, что квартиру надо брать немедленно, потому что хозяева могут приобрести автомобиль в любое время.

Утром следующего дня братья уже стояли у дверей квартиры. На звонок вышла Елена Васильевна (та самая бабушка), открыла дверь, поздоровалась с гостями и сразу сказала:

– Вова, Светы нет, она на работе, да и вообще никого нет: Толя в школе, а я одна сижу, телевизор гляжу.

– Да я хотел, вот, поговорить... – сказал Белый, держа в руках газету, в которую был завернут железный прут.

– Вы проходите, что ж это я? – сказала бабушка.

Гости зашли в квартиру, тут же закрыв за собой дверь. Хозяйка повернулась и направилась в большую комнату. Белый, долго не раздумывая, изо всех сил ударил ее по голове. Женщина даже ойкнуть не успела и как подкошенная с грохотом упала на пол. Он еще раз три ударил ее по голове – кровь полилась ручьями на самотканый коврик. Андрей надел перчатки и быстро юркнул в комнату, Белый тоже, переступив через мертвое тело, пошел следом. Так и есть: подняв матрас, они обнаружили под ним деньги в крупных купюрах. Убийцы быстро сложили их в черную сумку и направились к выходу.

– А с этой что делать? – спросил Белый, показывая на труп старухи.

– Пусть лежит, – ответил Андрей с бледным перепуганным лицом, – ты что, хоронить ее собираешься? Делаем ноги!

Из подъезда они вышли потихоньку – никто из жильцов не заметил, а может, и видели, да мало ли кто ходит. Быстро прыгнули в маршрутный автобус, чтобы уехать подальше от места преступления. Остановились неподалеку от кафе «Ветерок», по дороге туда Белый выкинул железный прут в мусорный ящик. Устроившись в уголке за столиком, стали считать и делить свою добычу, а добыли они всего девять тысяч дублей. Разделив деньги поровну, Андрей строго приказал:

– Не вздумай, идиот, в ближайшее время что-нибудь покупать, прибью сразу. Когда все утихнет, тогда и купишь себе «Яву».

А Белый, действительно, давно уже мечтал о мотоцикле. «Яву» он, конечно, приобретет, только вот поехать на ней не сможет.

Семья Шуваловых, да и не только они, были в ужасе от преступления. Было открыто уголовное дело, и оперативники сразу включились в работу. Оперуполномоченный Макаров, которому было поручено это дело, пришел на похороны и увидел на кладбище Белого, успокаивающего Свету. Она плакала навзрыд, а он вытирал ей слезы. Макаров поинтересовался:

– Что это за молодой человек рядом с внучкой?

Родственники ему объяснили:

– Это Светин жених, они серьезно дружат.

Следователь, опросив Светлану и ее родных, пришел к выводу, что «жених» не знал о местонахождении и существовании похищенных денег, да и алиби у него было (до обеда в тот день он находился у двоюродного брата Андрея Куца), а труп родственники обнаружили в двенадцать часов дня. Версия о его причастности к убийству ничем не подтверждалась. Дело пока висело в воздухе, Макарову было не за что зацепиться, как вдруг через неделю у Белого появился новый мотоцикл «Ява». «Денег он стоит небольших, я работаю, зарплата у меня неплохая, если кто и будет спрашивать, отмахнусь», – думал Белый и каждый день после работы отвозил Светлану домой. Рвать с ней он пока не собирался, да и Андрей приказал: «После этого гоп-стопа Светку люби вдвойне, чтобы не вызвать подозрений». Узнав о покупке, брат был просто в ярости, но назад в магазин мотоцикл не поставишь.

Макаров поднял на работе ведомости по зарплате и узнал, что даже если бы Белый за четыре месяца работы после тюрьмы не потратил ни рубля, все равно бы денег не хватило, а оделся он неплохо. Да к тому же он толком не мог объяснить, у кого занял, говорил: «Деньги одолжил у знакомого, который уехал».

Родители – пьянь, на хлеб нет иной раз, понятно, что деньгами помочь они не могли. На основании этого и прошлой жизни Белого он взял санкцию прокурора на обыск, и профессиональная интуиция его не подвела. При обыске в квартире Белого за иконой, так сказать, в святом месте, были найдены три тысячи рублей, о происхождении которых ни родители, ни он не знали и только развели руками, мол, чуть ли не ангел-хранитель принес. Белого тут же взяли под стражу и посадили в КПЗ. На первых допросах он отвечал, что был без понятия, откуда взялись эти деньги.

Когда Андрей зашел к Беляковым и узнал от родителей об обыске и найденном тайнике за иконой, хмарь на него спустилась ужасная. Надо было срочно что-то делать, то есть подключать отца, ведь он работал в том же отделе. Вечером признался ему в совершенном преступлении и рассказал подробно, в деталях, как все произошло. Тот после услышанного минут пять не мог прийти в себя, был точно в каком-то кошмарном сне, схватил свой офицерский ремень и начал хлестать сына, который изворачивался, бегая по комнате, но бей, не бей – делу не поможешь. Сыну грозили конец учебы и тюрьма, а отцу – увольнение с работы.

– Из дому ни на шаг, – строго приказал отец, – я в отдел и сразу же назад.

Дежурного офицера он попросил, чтобы привели племянника и оставили их наедине.

– Садись, – он кинул на стол пачку сигарет, – закуривай.

Племянник покурил, открыл рот и хотел, было, что-то сказать, но дядька с приказным видом махнул рукой и сказал:

– Не надо мне рассказывать во второй раз, уже все знаю. В преступлении сознался? – продолжал он.

– Пока нет, – ответил Белый.

«Слава богу, можно что-то исправить», – подумал Куц и сказал:

– Значит так, Володя, слушай меня внимательно. Я не знаю, кто там у вас был организатором этого разбоя. Тебе по-любому париться придется, а Андрея в эту мокруху впутывать не вздумай. Тем более ты человек бывалый и прекрасно знаешь, что групповуха дороже стоит, а тебе лишних пару лет сидеть ни к чему, трезво рассуди своей головой. Как думаешь? – и он дружески улыбнулся.

Белый дрожащей рукой докуривал сигарету, уткнувшись взглядом в одну точку, затушил окурок в пепельнице и тяжело вздохнул.

– Да тоже так думаю, – сказал он тихо, но, понимая, что родственники от него теперь зависимы, потребовал: – Только вы мне помогать на зоне будете, чтобы я не голодал.

– Какой разговор, на это можешь надеяться, – у дядьки даже тональность голоса изменилась. – Значит, договорились? – наигранно улыбнулся он.

– Договорились, – выдохнул Белый.

– Вот и порядок, – обрадовался Куц, – скажи только, где в твоём доме положить остальную часть денег?

– Заверните в газету и спрячьте за батареей, – ответил Белый.

Так и условились. Дядька отдал ему оставшиеся сигареты, и дежурный отвел его назад в камеру.

Когда отец вернулся домой, Андрей достал из тайника четыре с половиной тысячи, которыми ещё не успел воспользоваться, и завернул их в газету.

– Поехали, – приказал отец, – по дороге все расскажу.

В машине Андрей сидел, как мокрый воробей. Отец начал инструктаж:

– Значит так, я этим алконавтам буду мозги компостировать, мол, как забрали, что почем, а ты тем временем деньги незаметно засунь за батарею в его комнате.

Продуманная им операция прошла успешно. Наутро Белый потребовал следователя, чтобы сознаться в преступлении. Милиционеры действительно нашли вторую половину денег за батареей, проводился следственный эксперимент, и дело было раскрыто. Белый в КПЗ ждал приговора суда. Его приговорили по статье сто второй, часть первая и статье сто сорок шестой, часть вторая к десяти годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима.

После окончания института отец Андрея, имевший неплохие связи с кадровиком в МВД, отправил своего сына, теперь уже молодого прокурора, для дальнейшей работы в город Анапу, подальше от места преступления. Андрей быстро там освоился, зарекомендовал себя с лучшей стороны, получил через пару лет хорошую квартиру и женился на Тамаре Григорьевне Иванченко. Молодые сразу же приобрели земельный участок и взялись за строительство дома. Жена работала экономистом в райпотребсоюзе. Зарплаты у обоих были хорошие. Андрей не брезговал взятками, так что дом рос, как грибы под дождем.

Брата он тоже не забывал, время от времени отправлял денежные переводы, скорее всего, не из-за желания помочь, а от страха, что тот, обидевшись, отомстит, когда вернется. Белый досиживал свой срок в Челябинске на шестерке. Перед концом срока Куц получил письмо: «Встречай, числа двадцатого мая буду у тебя. Назад в Златоуст возвращаться не хочу. Тем более ты обязан помочь брату, я и за тебя тоже все эти десять пасок топтал». Куц стал подготавливать жену: мол, приедет брат, надо ему помочь определиться, чтобы он пожил месяца два-три. Та, в принципе, не возражала: «Надо – значит помоги».

Двадцать первого мая, часов в семь вечера раздался звонок. Андрей подошел к калитке и увидел перед собой худого, небритого, с темным лицом человека, похожего на его брата. Он аж застыл, глядя на него. Белый заулыбался, показав три железных фикса:

– Что, братан, не узнаешь?

– Вовка, это ты?

– Как видишь, я.

Они обнялись у калитки, Куц глянул по сторонам, и они пошли в дом. Белого сразу же отправил в ванную, дал кое-какую подходящую ему одежду. Жена Тамара накрывала стол для встречи гостя. Конечно же, она знала, что тот не с курорта приехал, а из тюрьмы и, по словам мужа, хочет начать новую жизнь. Тамара после работы устала и за мужским столом долго не засиделась, ушла отдыхать. Белый начал говорить про зону, сожалел, что не смог похоронить родителей – ни отца, ни мать.

– Представляешь, ещё и квартиру, падлы, забрали.

– Да мы тоже вот так, потихоньку, живем, – стал приbedняться Андрей.

Белый улыбнулся, блеснул своими железными фиксами:

– Ну, если считать, что этот трехэтажный дом – временка, то вы тогда даже бедняки, – и оба рассмеялись. – Андрей, на твоей совести сделать мне документы, шмотку козырную, я должен пару месяцев отожраться после зоновской сечки.

– Все сделаем, братан, не переживай. Пару месяцев отдохнешь, и работу подыщу, неужели прокурор города теплого места не найдет, обижаешь, братан.

Белый два месяца толком никуда и не выходил со двора брата. Ел, да пил, да видик сутками крутил. Документы Андрей действительно ему сделал и подыскал вакантное место. Недалеко от побережья в ресторане «Жемчужина» требовался директор, но, не имея диплома, туда было не пролезть.

– А мы давай сделаем так, брат, – предложил Белый, – потянуть эту работу я смогу, я тоже уже не один институт закончил там, – и показал большим пальцем за спину, – а ксиву ты мне нарисуешь, для тебя это великого труда не составит. И все это оперативно надо сделать, чтобы такое место не уплыло из-под носа.

Куцу ничего не оставалось, как принять его требования.

– Ну а встречать как будешь братана в ресторане? – попытался пошутить он.

– На самом высшем уровне, – ответил Белый.

В течение двух дней Куц купил диплом о том, что Беляков Владимир Иванович – бухгалтер-экономист с высшим образованием, и устроил его директором ресторана. Тот находился в двухстах шагах от моря, был очень выгодно расположен для отдыхающих. Шестьдесят посадочных мест практически никогда не бывали пустыми. В этом ресторане всегда царили покой и уют, городское начальство было не прочь сюда заглянуть. Время от времени Куц посещал «Жемчужину» с очередной подружкой. Белый, разумеется, предлагал им отдельные апартаменты.

Белый скоро освоился и быстрым темпом набирал в городе авторитет. Никогда не дергался, был спокоен, рассудителен, много не говорил, а если и говорил, то по существу, и даже пользовался уважением у тех, кто его знал. А когда началась приватизация, ему не составило труда выкупить все акции и стать полноправным хозяином ресторана. Дела у него шли так хорошо, что он разленился и решил взять к себе на работу заведующего производством.

Кошелек на двоих

Был у Белого на примете человек, обязанный ему по гроб жизни, так как спас он его в буквальном смысле от тюрьмы.

Одним жарким июньским днем в ресторан «Жемчужина» заглянул милицейский наряд из четырех омоновцев. Они взяли холодные напитки и присели за столик, разговаривали о чем-то своем, особо не обращая внимания на окружающих, как вдруг один из них посмотрел на соседей (там сидели Козырь и еще два человека, под столиком стояла черная сумка), и они вызвали у него какое-то смутное подозрение. Поймав на себе пристальный взгляд милиционера, все трое сразу засуетились и собрались уходить. Омоновцы решили проверить документы и подошли к ним.

– Ваши документы, молодые люди, – представившись, сказал один из них.

Документы были предъявлены, сержант после проверки вернул их владельцам и глянул под стол:

– А что находится у вас в сумке?

Курьер, который привозил Козырю маковую соломку для реализации, неуверенным дрожащим голосом ответил:

– Шмотки, что там может быть?

Обстановка накалялась, по Козырю было видно, что он нервничает. «Хорошо хоть ствол с собой не взял, а то бы полный букет был», – подумал он.

Хозяин ресторана наблюдал всю эту картину и понимал: надо было что-то немедленно сделать и не допустить проверки сумки. Хотя он и не знал, что в ней находится, интуиция его не подвела. Он видел, что ребята залетные и наверняка сидят с каким-то грешком. Омоновцев этих Белый не только в лицо знал, а пару раз и стол хороший им накрывал, так как они постоянно дежурили в этом районе. Быстрым шагом он подошел к столику:

– Привет блюстителям порядка.

Один из омоновцев предложил Козырю и двум его приятелям пройти в опорный пункт милиции.

– Ребята, эти люди приехали ко мне отдохнуть, так что можете не переживать, тут полный порядок. Колющего, режущего и того, что взрывается, у них нет, – в шутку сказал Белый, – я с такими не дружу. Вы лучше вечером заходите, хорошо все вместе посидим, отдохнем как следует.

– Во сколько? – оживившись, спросил один из омоновцев.

– Часов в восемь-девять, когда прохладней станет.

– Ладно, мужики, пошли, – сказал сержант и добавил, глядя на хозяина ресторана: – Так мы не прощаемся, до вечера.

– Нет проблем, ребята, жду.

И омоновцы вышли из ресторана.

Козырь и двое его друзей снова сели за тот же столик. Белый подсел к ним и без вступления начал:

– Ну что, уважаемые, мусора без малого браслеты не надели?

Те чуть ли не в один голос:

– Братан, где ты у Бога взялся?

И началось знакомство. Белый с лицом победителя смотрел на Козыря:

– Я уже в этой жизни психологом стал, да и ты бы заметил, наверное, со стороны глядя на себя, уж больно сильно вы разволновались. Я подумал, не без причины, значит, братве помочь надо, тем более мусоров я этих знаю.

Козырь, видя в Белом своего спасителя, пошел на откровенность:

– Братан, в этом сумаре пять килограммов ханки.

Белый хмыкнул, удивленно качнул головой:

– С ума сойти!

– Если бы не ты, братан, мы бы сейчас по червонцу выхватили, не отходя от кассы, – сказал хозяин сумки Александр.

– Вы тоже нашли, куда с этой бомбой сунуться, здесь постоянно мусора крутятся и шмонают всех подряд, а уж приезжих от горожан они умеют отличать, поверьте мне.

– Да решили на секунду забежать, холоднячку вмазать.

– Ладно, пошли ко мне зайдем, что здесь судачить, – пригласил их Белый, понимая, что в благодарность братва что-то подкинет.

Те охотно пошли за спасителем в его кабинет.

– Братан, давай мы тебе хороший магарыч поставим.

Белый немного поскромничал, вымогая деньги:

– Мне, уважаемый, не надо, я и без магарыча обойдусь, а вот мусоров вечером чем-то поить надо, а они, козлы, не меньше нашего пьют и жрут.

– Я понял тонкий намек, – сказал Саша, достал тысячу баксов и положил на стол, – возьми, братан. Ты же не будешь ментов за свои деньги поить.

– Ну все, полный порядок, – оживился Белый, выхватив такой куш, не напрягаясь, – без них тоже не обойтись в этой жизни, другой раз приходится обращаться и к ним. Так что со всеми надо жить в мире и согласии и разговаривать только на «будьте любезны». Как говорится, «ласковый теленок двух маток сосет», – добавил он, подчеркивая этой поговоркой свой ум, практичность и расчетливость.

Козырь с друзьями долго задерживаться в ресторане не стали, попрощались и ушли. Омоновцев, как и обещал хозяин, в девять часов в его кабинете ждал накрытый стол, да и почему не угостить за чужой счет (разумеется, не на все деньги, что дал Александр), при этом заработав себе лишних два очка.

После этого случая не было и дня, чтобы Козырь не заехал со своей братвой к другу в ресторан. Белый прекрасно понимал: тот у него на поводке, и решил как-то его задействовать, безусловно, имея с этого выгоду. Тем более что человек он вроде надежный, бывалый и ни один год провел в местах не столь отдаленных, даже были общие знакомые. Однажды, оставшись с Козырем наедине, Белый начал разговор:

– Слушай, Козырь, мне пришла малева. Братва из Двухбратска просит помощи, голодуха на зоне конкретная, а сейчас, сам знаешь, харчей хоть тонну передавай. Длинный мне написал, он смотрящий там за зоной, ты не слышал про него?

– Да как же не слышал? Слышал, конкретный мужик, – ответил Козырь.

– А я с ним одну пайку хавал. Так вот я о чем говорю, бригада у тебя хорошая, и, как ты говоришь, братва вся проверенная. Надо фраеров городских начинать трусить, ну а я буду отправлять копейку на зону, да и нам будет перепадать, как думаешь?

– Да базара нет! – Козырь, соглашаясь, кивнул головой.

– Только просьба одна есть, братан, – продолжал Белый, – меня перед своими не свети, зашел сам ко мне, перебазарили, и на том конец. Да еще про того сутенера, что в гостинице «Железнодорожной», хочу спросить: что за мужик он?

– Да ничего так пацан, – стал рассказывать Козырь, – держит около десяти проституток, сам проживает там же, в гостинице. Мусорам какой-то процент отстегивает, и никто его не беспокоит.

– Коль мы начинаем с тобой работать, у нас секретов не должно быть, – подчеркивая завязавшуюся между ними дружбу, сказал Белый. – Ты объясни этому Бульдогу, что так, мол, и так, зонам надо помогать. Кстати, а почему у него кличка Бульдог?

Козырь засмеялся:

- Да у него нос приплюснутый, как будто кто-то его лопатой плашмя по роже ударил.
- Если не поймет нас, скажи ему, что еще раз по бестолковке ударим.
- Все, шеф, понял, приступаю к делу.

Бульдогу деваться было некуда, так как Белый в городе имел большой авторитет в воровских кругах. Вором в законе он не был, ему все это триста лет не надо было: участвовать в третейских судах и следить за базаром, но с его кошельком даже авторитетному вору трудно было потягаться.

После разъяснительной беседы с Козырем пятьдесят процентов от сутенерства Бульдог передавал Белому на общак ежемесячно. Козырь также с каждого клиента, будь то торгаш или директора предприятий, снимал пошлину в размере двадцати процентов. Проценты они выплачивали ежемесячно, а бригада Козыря взамен предлагала им крышу.

Казна Белого быстро пополнялась, на зону братве не все, разумеется, передавал и вскорости приобрел шестисотый «Мерседес», а водителем и телохранителем взял того самого Сашку, что омовцы без малого не попутали с ханкой. Да и Сашка ему подходил: с бычьей шеей и куриными мозгами.

- Это мой камикадзе, за шефа в огонь и в воду, – похваливал его Белый перед друзьями.

Для полного счастья и отдыха Белый приобрел яхту. Раньше у этой красавицы был порт приписки Одесса, и называлась она «Мрія». Белый переименовал ее в «Мечту», и, действительно, о такой можно было только мечтать. Уютные каюты, современное навигационное оборудование, на палубе можно посидеть с бокалом шампанского, подышать свежим морским воздухом, понежиться в солнечных лучах, словом, условия для отдыха – идеальные. Здесь забывались все житейские проблемы, как будто попадаешь в другой, размеренный и несуетливый, мир. Купил он яхту за два миллиарда рублей, и сейчас она стояла на пристани возле лодочной станции, которую Белый также в свое время выкупил. В летнее время лодки сдавались на прокат отдыхающим. Это приносило неплохую прибыль.

Прокурор видел, как быстро поднимается в преступном мире его брат, наживая богатство, покупая квартиры и даже яхту. Жадность не давала ему покоя, решил надавить на него, чтобы стал делиться.

Как-то Белый предложил брату отдохнуть на яхте:

– Давай, братан, отдохнем в выходной, так уже надоела суета да проблемы житейские, организую девочек, и в воскресенье прокатимся.

– Ничуть не против, – обрадовался Андрей, – а своей скажу, что на рыбалку. Мол, чисто мужской коллектив и не более, чтобы не увязалась.

Белый был не женат, хотя подруга у него была. Она работала в Югбанке заведующей кредитным отделом. Время от времени он заезжал к ней, но брать с собой не стал, а взял двух девушек из гостиницы – Риту и Валю.

В воскресенье, как и условились, поплыли из Анапы в Сочи. На яхте была команда из трех моряков. Белый зарплату им платил стабильно, и летом, и зимой, они же ее по графику и охраняли, а из отдыхающих на борту были только Белый с Ритой и прокурор с Валей. Расположились на палубе. Погода была чудесной. Девушки занимались сервировкой стола, а мужчины разделись до плавок и, надев черные очки, сидели в пластмассовых креслах и беседовали на какую-то отвлеченную тему. Девушки закончили накрывать на стол и присоединились к ним. Обстановка царила спокойная, за бортом тихонько плескалось море, солнечные лучи играли на воде яркими бликами.

– Такой чудесный пейзаж: горы, лес, море, чайки, как в раю, – промолвил Белый, – да на такой природе только стихи любимым писать. Ну как, девушки, вам нравится такой отдых?

Те наперебой защебетали:

– Еще бы! Какая прелесть!

И действительно, что еще надо для проституток? Хороший стол и побольше денег. Рита под села к Белому и стала расхваливать яхту и все, что ее окружало. Белый хоть и понимал, что она ему льстит, но слушать ее было приятно. Мужчины предложили девушкам поплескаться в море, и те с удовольствием согласились. Один из моряков подал им надувные матрасы и сам вместе с девушками купался неподалеку от яхты.

Белый и прокурор остались вдвоем, наслаждаясь шампанским на палубе.

– Скажу тебе честно, Андрей, – сказал Белый, – если бы мне лет двадцать назад кто-то сказал, что будет у меня яхта, «мерс», ресторан, квартиры, в жизни бы не поверил.

– А это, Вова, благодаря кому ты все имеешь? – намекнул прокурор.

– Долг платежом красен, – обиделся Белый, – я за тебя, Андрюша, вшей да клопов десять лет кормил, а то, что ты посылал мне на зону, мне хватало на чай да на сигареты, потому и беззубым стал на зонавской пайке.

– Ты, наверное, Вова, что-то недопонимаешь. Незаконным путем добываешь огромные бабки, а я, значит, прокурор города, должен за «спасибо» закрывать на это глаза? Не секрет, что ты всю уголовную босоту подчинил себе, – сказал Андрей, встал с кресла, потянулся, глядя куда-то вдаль. – Я – прокурор города, а не дворник, ты понимаешь, о чем я говорю? И молчать за просто так, закрывая на все глаза, даже нелогично.

– Я понял твой намек, Андрей, – сказал Белый, – и сколько я тебе должен платить?

– Коль мы братья, – продолжал прокурор, – все должно быть пополам, как говорится, по-братски.

Он присел за столик и, продолжая пить шампанское, ждал ответа. У Белого даже лицо покраснело, кровь в голову ударила. В словах, сказанных прокурором, он почувствовал серьезное предупреждение, даже угрозу. Быстро проанализировав сказанное, старался выглядеть уверенным и непоколебимым, но понял, что выбора у него нет.

– Ладно, братан, – согласился он, – будь по-твоему, да и, в конце концов, надо помогать друг другу.

– И не дай тебе бог, Вова, – продолжал прокурор, – если хоть один из твоих уголовников узнает об этом. Меня тоже старайся не посещать без веских на то причин, я сам буду заезжать к тебе в ресторан.

На этом их серьезный разговор был закончен. Прокурор, довольный своей победой, подошел к борту и решил тоже немного освежиться. Он прыгнул головой вниз, подплыл к Вале и залез к ней на матрас. Примостившись набок, он обнял ее, начал ласкать и целовать.

– Эй, молодые люди, а я все вижу, – поддразнила их Рита.

Они засмеялись.

– Ну что, вас еще долго ждать? – поторопил свою компанию рассерженный Белый.

Все поднялись на борт, обтерлись полотенцами и, присев к столу, стали пить и угощаться. Посидев еще немного, они разделились по парам. Белый взял Риту за руку и сказал:

– Мы вас ненадолго покинем.

Та с удовольствием поднялась и пошла с ним. Он завел ее в каюту. Там уже все было приготовлено: на столике стояли выпивка и закуска. Как только они вошли, Белый сразу же запер дверь. Рита тоже прекрасно знала, чего он от нее ждет. Обняв Белого, она стала жадно целовать его. Он тоже обнял Риту, расстегнул ее купальник и стал медленно его снимать. Они раздели друг друга, и Белый предложил прилечь. Он был уже готов к половой близости, Рита тоже, и начались любовные игры. Прокурор с Валей в соседней каюте не отставали от них, они тоже лежали в постели в объятиях друг друга. До вечера компания еще раза два искупалась вместе, потом они снова расходились по каютам.

Белый осыпал Риту обещаниями. Сказал, что будет помогать ей деньгами, и предложил жить в одной из его квартир, которая была предназначена для интимных встреч, но при этом выдвинул ей ряд условий:

– Только больше чтобы ни с кем не спала. Если я что-нибудь заработаю, ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду, я тебя накажу. Когда у меня будет свободная минутка, буду к тебе заезжать.

Риту, естественно, все эти условия устроили, она была согласна. Белому она очень понравилась в постели. Еще бы, волка ноги кормят, а Риту...

К вечеру все были немного ленивыми, уставшими и решили с отдыхом закругляться. Причалив к пристани, разъехались по домам.

Рэкет

Наутро в ресторан заглянул Козырь и прямо с порога начал рассказывать:

– Ты представляешь, этот хренов предприниматель кричит: за «боюсь» платить не собираюсь.

Он подошел к Белому и присел рядом.

– Какой? – спросил Белый.

– Да директор «Прогресса», лесоторговой базы, – ответил Козырь.

Белый еще не отошел после вчерашнего разговора, он чувствовал себя побежденным. Не столько денег было жалко, сколько досада брала, что ему кто-то диктует условия, пусть даже брат. Слушал Козыря, а думал о своем, потом все-таки переключился на разговор:

– А что, у него нет бабы или ребенка, не знаешь, как надавить? Еще какая-то промокашка будет из себя чего-то корчить! Иди, не забивай мне голову дурным, сам там разбирайся.

Козырь понял, что у шефа плохое настроение и тут же удалился.

Он начал охоту на жену Таяновского, Марину, и причем неплохо козыревская братва «поохотилась».

Часов в десять утра в офисе «Прогресса» раздался телефонный звонок. Игорь был где-то на территории и что-то доказывал, размахивая руками, и секретарша позвала его к телефону. Игорь, нервный, раздербанный, взял трубку:

– Кто? Я вас слушаю.

Звонила медсестра реанимационного отделения городской больницы, она сообщила, что его жена в тяжелом состоянии после аварии находится на операционном столе, и положила трубку.

– Алло, алло, – кричал Игорь, но услышал только гудки.

Секретарша тоже слышала разговор, так как у них был параллельный телефон, и сразу зашла к нему в кабинет.

– Игорь, я краем уха слышала, что там с Мариной случилось?

– Пока не знаю, я поехал туда.

Таяновский на бешеной скорости примчался к больнице на своем BMW. Хлопнул дверью и, не закрывая машину, побежал к операционной. Дежурная медсестра сообщила, что туда нельзя, идет операция. Ответила только, что пострадавшую привезли на скорой помощи после аварии. Игорь выбежал из больничного корпуса и тут же уехал в ГАИ, узнать, где произошла трагедия. Там знакомый офицер рассказал:

– Это дорожно-транспортное происшествие произошло на сто седьмом километре от города, возле пансионата «Заря».

Игорь подъехал к месту аварии. Там стояла толпа зевак. Развернутый автокран грузил Маринину «шестерку», точнее сказать, это была уже не машина, а помятая консервная банка. Гаишники сообщили ему, что жена не вписалась в поворот и на большой скорости упала с десятиметрового обрыва, что пострадавшую уже отправили в больницу.

– Куда машину? Домой везти будете? – спросил один из гаишников.

Игорь только махнул рукой и уехал опять в больницу. Дорогой ехал и думал: «Как же так, не вписалась в поворот? Она никогда не превышала скорости. Иной раз даже просил ее: “Марина, давай быстрее, опаздываем”. Она отвечала: “В гости к богу не бывает опозданий”. Машину водила на твердую четверку. Здесь что-то не то, – заподозрил Таяновский. – И что она могла делать на сто седьмом километре, если собиралась ехать в банк?»

Вернувшись в больницу, он узнал, что Марина скончалась на операционном столе. В течение часа собрались все родственники. Оперировавший хирург сказал Игорю, что от его жены был запах алкоголя. Игорь не выдержал, крикнул:

– Да бред сивой кобылы! Она в жизни за рулем не пила ни капли!

После слов врача подозрения Таяновского рассеялись: «Это не ДТП, а хорошо спланированное убийство». Лишь через несколько лет он узнает все детали и подробности этого варварского преступления.

Игорь вышел на улицу, родственники рыдали, он пытался их успокоить, но у самого катились слезы.

– Давайте поедem домой и там решим, что делать, – сказал он, вытирая платком глаза.

Ноги тряслись, он кое-как доехал домой. Стали подниматься в квартиру, тут же с работы подъехали коллеги, пришли друзья – все были в шоке. Никто не мог поверить в случившееся с Мариной, зная ее осторожность, аккуратность. В квартире стоял ужасный рев, даже жутко становилось. Игорь носился по дому с открытой бутылкой коньяка и прямо из горла прихлебывал: хмель его не брал. В душе он клялся все равно найти убийц и отомстить им, но о своих подозрениях решил никому не говорить. «Если это они, то обязательно позвонят или посетят, за такое зверство меня устраивает только месть».

Он никак не мог прийти в себя, и набрал номер Пашки:

– Пашка, дружок, у меня... Маринка погибла.

Целую минуту оба молчали. Проскурин пообещал обязательно приехать и выразил сочувствие другу. Несмотря на то, что он уже и знать не хотел Вику, все-таки позвонил ей и сообщил о трагедии. Она ответила, что тоже поедет на похороны лучшей подруги. Договорились встретиться в аэропорту. До того как самолет приземлился, они практически друг с другом не разговаривали, каждый думал о случившейся беде, прилетели в тот же день.

Всеми организационными вопросами, связанными с похоронами, занялись Петрович и заместитель Таяновского. Игорь ходил, как разбитое корыто, не обращая внимания на людей, он до сих пор не мог осознать, что это случилось на самом деле.

На следующий день после судмедэкспертизы Марину привезли домой из морга с заключением врача, что погибшая находилась в состоянии алкогольного опьянения. Игорь не понимал, где Марина могла выпить, но, с другой стороны, анализ показал наличие алкоголя в крови...

Друзей и знакомых у дома собралось столько, что негде было встать. Все родственники, мать и дочь сидели у гроба. Игорь тоже спустился к ним и стал у изголовья любимой женщины. Он смотрел на ее любимое лицо, переминаясь с ноги на ногу. В этот миг ему было тяжело, как никогда в жизни. Дергавшиеся скулы выдавали его страдания, капельки скупых мужских слез катились по щекам.

Похороны были назначены на два часа дня. Люди подходили с цветами и венками. Собрался весь их школьный класс, да и не только класс. Даже учителя во главе с директором школы пришли проводить Марину в последний путь.

После погребения, когда люди шли поминать покойную, Игорь и Пашка остались вдвоем возле могилы. Дочь Танюшу Игорь отправил к матери, потому что сам был не в состоянии смотреть за ней. Игорь подробно рассказал другу о случившемся, тот, хорошо зная Марину, тоже согласился, что это однозначно убийство.

– Ну что думаешь делать? – нетерпеливо спросил Пашка.

– Не знаю, – Игорь присел на корточки и смотрел в землю. Слезы одна за другой капали на желтые полевые цветы. – Я сейчас в таком кошмарном состоянии, что голова ничего не соображает. Даже охрана не помогла, я же ей говорил куда без меня не выезжать. Мы вообще собирались в банк вместе, а тут вагон с лесом пришел, а за простой, сам знаешь, большие деньги надо платить. Охранника из офиса тоже по делу послал на своей машине, а Марина говорит: «Второй раз из банка звонят, надо срочно ехать». Я еще сказал: «Марина, аккуратно». Заместитель, как назло, повез своего пацана в больницу, – вытирая лицо, объяснял он другу.

– Не казни себя, – успокаивал Пашка. – Назад Марину не вернуть, надо думать о ребенке, эти козлы тебя все равно в покое не оставят.

– Ой, не знаю, Паша, – Игорь махнул рукой, встал на ноги и покачнулся.

Игорь и Пашка подошли к машине, чтобы ехать домой, к мужской компании присоединился Петрович.

– Что-то я не верю в эту мыльную автокатастрофу, – сказал он прямо в лоб.

– Я тоже, Петрович, – согласился Игорь.

– У тебя враги были? – продолжал интересоваться дядька.

– Не было, теперь есть, – ответил он, изо всей силы стукнув кулаком по капоту, и рассказал Петровичу о визитах и звонках.

– Ну, теперь все ясно, – сказал тот, – а не будет дешевле, если эту твою фирму к чертовой бабушке закрыть?

– Почему я должен закрываться, я что, ворую, налоги не плачу? – вспыхнул Игорь.

– Просто это осиное гнездо тебе жить не даст, – вмешался в разговор Павел.

Игорь, так и не придя к каким-то конкретным решениям, больше ничего не сказал, и разговор на этом закончился. Таким нервным и озлобленным Петрович никогда не видел племянника.

На похоронах было так много людей, что за столы, которые заказали в кафе неподалеку от фирмы, пришлось сажать в три захода. После поминок Вика ушла к родителям, а Пашка с Игорем остались вдвоем. Накрыли небольшой мужской столик, чтоб помянуть Марину, вспоминали прошлое и говорили о настоящем.

Через два дня Таяновский провожал Пашку и Вику домой.

– Звони, если что, – прощаясь, сказал Павел.

– Крепись, Игорек. Тебе дочь воспитывать надо, – добавила Вика.

Таяновский остался один и с грустью смотрел им вслед, вспоминая тот вечер, когда они познакомились и щебетали друг перед другом. Как только жизнь ни поворачивается! Когда-то улетали отсюда влюбленными, а прилетели врагами, но, наверное, не бывает ничего страшней, чем навсегда потерять близкого человека.

Как будто было все вчера,
А может быть, позавчера,
А может быть, и никогда...
Умчалась тройка навсегда,

Та тройка быстрых лошадей
Из белоснежных трех коней
Уносит счастье и мечты,
А вместе с ней умчалась ты.

Крик далеких журавлей
Я слышу ближе и сильнее.
Вон пух летит от тополей,
Душе становится больней.

Таяновский находился в каком-то ужасном состоянии, дела не ладились, почти каждый вечер он напивался, как будто отжил свое. Через несколько дней раздался телефонный звонок, подтверждающий предположение Игоря, что жена его убита.

– Ну так что, делиться будешь? – раздался в трубке знакомый голос.

Таяновский бешено заорал:

– Хрен вам! – и бросил трубку.

Он попытался выяснить, откуда звонок, но безрезультатно, звонили из какой-то телефонной будки. Как раз в кабинет зашел его заместитель Валерий Иванович Николаев.

– Валер, меня дня три не будет, поработаешь сам. Я с Пашкой говорил, вагоны с материалом он отправит, а я не могу что-то, устал.

– Никаких проблем, – ответил заместитель, прекрасно понимая, что ему сейчас не до работы.

Дочь была у бабушки. Игорь закрылся, отключил телефон и начал пить в одиночку, строя в голове планы мести. Вечером никак не мог уснуть, пока не напился допьяна. Наутро кое-как смог поднять голову от подушки, лицо было обрюзглое, опухшее. Взял бутылку шампанского, открыл и пошел в ванную, налил воды, лег и стал прихлебывать из бутылки шампанское. Вдруг открылась дверь в квартиру.

– Кто там? – окликнул Игорь.

Это была дочь. Минут через двадцать он вышел из ванны. Танюша приготовила яичницу с колбасой и разложила по тарелкам:

– Пап, иди, я тебя покормлю.

Игорь сел за стол и потянулся в холодильник за открытой бутылкой водки. Таня подошла к нему и обняла отца:

– Ты не пей больше, а то мне страшно.

Игорь поцеловал дочь:

– Ладно, не буду.

– Мне приснился такой сон, – продолжала девочка, – что вы с мамой летите на этой машине, как на самолете, а я стою внизу и все это вижу, и вдруг открывается багажник, оттуда начал высыпаться мусор какой-то, грязь какая-то, кровь, потом открылась дверь и оттуда выпала мама. Я так быстро бежала, хотела ее поймать, но она куда-то исчезла, а ты полетел дальше.

Игорь внимательно слушал дочь, но вдруг в дверь постучали. Приехал его заместитель Валерий. По его лицу Игорь увидел: что-то произошло.

– Игорь, ты только не переживай, все нормально. Какая-то б... хотела поджечь подготовленные для ПМК доски, но, слава богу, сторож вовремя заметил, схватил огнетушитель и туда. Если бы еще минут пять, там бы и пожарная не помогла.

Они остались вдвоем на кухне, скулы у Таяновского задергались, он кипел от злости. Стукнул кулаком по столу так, что аж посуда зазвенела:

– Ну, достали, твою мать! А что же охранник не услышал, что посторонний на базе, там же такие собаки, чужого разорвут, особенно Альфа.

– Сторож говорит, даже не пикнули, – ответил Валера, – я думаю, Игорек, кто-то из своих подошел, облил бензином и спокойно вышел.

– У тебя есть кто-то на подозрении? – спросил Игорь.

– Честно сказать, есть.

– И кто?

– Откровенно говоря, думаю на Жучка, уж больно скользкая эта рыба, с ним даже когда разговариваешь, сколько я заметил, он, морда, никогда в глаза не смотрит.

– А при чем здесь это?

– Я его частенько вижу возле бара с нашей крутизной, с Козыревыми быками, а он по жизни трусливый, могли как-то подставить, припугнуть. Этот, мне кажется, сделает что угодно, тем более за деньги, он их любит.

У Игоря были такие же подозрения, но он промолчал и Валерию ничего не сказал.

– Под подозрение, Валера, попасть может любой, но его вину или причастность надо еще доказать. Как говорят, не пойман – не вор. И сколько кубов сгорело?

– Два, – ответил заместитель, – я мужиков поставил, уже перепаковали. Ну, ладно, я побежал.

Валера уехал, и Таяновский снова остался один.

Вот и осень опять идет,
Те же листья кругом роняя.
Закружиться бы нам опять,
Наши прежние дни листая...

Надо было что-то делать, дальше ждать нельзя. Понимая настойчивость Белого, Игорь знал, что тот в покое не оставит. «Что же делать? Уехать из города или продать фирму и заняться чем-то другим? Да никогда в жизни! Но медлить нельзя. Тем более за моей спиной родственники, – думал Игорь, – на этих беспредельщиков креста нет».

Он позвонил Пашке на работу. Тот поздоровался, спросил:

– Как жив, здоров?

– Да жив, только вот у меня что ни день, так события. Этой ночью пытались поджечь доски, по всей вероятности, кто-то из своих.

– Я тебе еще два вагона кругляка отправил, – сказал Пашка. – Слушай, старик, я тут уже думал насчет твоей фирмы. Этих козлов надо или отстреливать, как бродячих собак, или «Прогресс» продать. В покое они тебя все равно не оставят, на это рассчитывать не стоит. Убрать тебя за непокорность им раз плюнуть. Депутатов убивают, и не находят следов, а мы кто такие в этом мире?! Знаешь, у меня есть еще одно предложение, если ты правильно меня поймешь: давай временно твоим «Прогрессом» я поручовожу. Отсюда, из Челябинска, чтоб как-то тебя отодвинуть в сторону на время, как в той китайской поговорке: «Если хочешь увидеть труп врага, ничего не делай, сядь возле речки и жди. Он обязательно проплывет мимо». Как ты смотришь на мое предложение?

– Я уже думал на эту тему, – сказал Игорь, – давай так и сделаем. Через сколько дней приедешь?

– Сейчас я со своей работой управлюсь, и недели через две буду у тебя.

Друзья решили идти в обход. На следующий день Таяновский, отходя от выпивки, решил выйти на работу. Видя состояние шефа, сотрудники лишний раз к нему не обращались. В хорошие времена он был всегда веселый и шутиливый, а теперь...

Рекламой и юридическими вопросами у него занималась секретарша Наташа, бывшая его одноклассница. В школьные годы она даже бегала за ним, хотела, чтобы дружил с ней, но он выбрал Марину. Сейчас у них были чисто деловые отношения.

Наташа зашла в кабинет к Таяновскому. Он сидел за столом и что-то произвольно рисовал на листке, перевернул его, чтобы она не увидела его художества, и спросил:

– Что у тебя, Наташа?

Та подсела к нему за стол:

– Игорь, у Кольки, сына, сегодня день рождения, приезжай с Танюхой, посидим, я утку запекла.

Коля и Таня были одноклассниками, так же как их родители. У Наташи жизнь не сложилась: со своим мужем она прожила года три, больше терпеть не смогла. Он пил, не просыхая, да еще за ее кровные деньжата, хотя мог бы устроиться на работу, имея кучу специальностей, и поддерживать семью материально. Но он жил одним днем и не хотел ни о чем думать. Наталья его выгнала, а Кольку воспитывала сама.

– А кто там у тебя будет? – спросил Игорь, думая, что если гостей будет много, лучше посидеть дома.

– Предки, наверное, придут, а больше я никого не звала.

– Хорошо, мы приедем, – сказал Игорь, ему хотелось хоть немного забыться.

После рабочего дня Таяновский купил подарок и поехал домой.

– Танюш, ну что, поедем Кольку поздравлять? – спросил у дочери.

– Конечно, поедем, папа, я тоже ему подарок приготовила.

И стали собираться.

– Пап, ну давай быстрее, а то опоздаем, – говорила нетерпеливо дочь, – ведь Колька ждет нас в полвосьмого, а уже семь.

На день рождения они приехали вовремя. Родители Наташи были уже там. Поздравив счастливого Кольку, все прошли в зал, где был красиво накрытый стол. Весь вечер был посвящен имениннику. Родители Наташи говорили о чем-то своем, веселились. Игорь улыбался сквозь зубы, мыслями он был не на празднике. Чтобы как-то его разрядить, Наташа предложила:

– Пошли, выйдем на балкон, покурим.

Он был не против, и они вышли на свежий воздух.

– Таяновский, только не ври, что там у тебя с этой крутизной, а то я слышала звон...

– Наташ, да все нормально, жизнь идет по планам, мы идем в тюрьму.

– Постучи по дереву, дурачок.

Но даже эта предосторожность Таяновского от тюрьмы не уберегла.

– Ну а все-таки? – глядя ему прямо в глаза, продолжала Наташа. – Я тебя со школы знаю, ты врать не умеешь.

– Деда моего в тридцать четвертом посадили, ну а меня – в девяносто четвертом, какая разница? – шутливо ответил Игорь, уходя от ответа.

– Лучше найди золотую середину, – говорила она, понимая всю сложность его положения. – Ты для них песчинка, сотрут в порошок, – выбросила сигарету и посмотрела на Игоря. – Таких честных, как ты, возле икон надо ставить, у нас, ты знаешь, их в России сколько осталось? Два человека – ты и Борис Николаевич.

– Спасибо за комплимент, – поблагодарил Игорь. – Пошли, за это и выпьем.

Танюша и Коля устали, бабушка уложила их спать. Родители еще немного посидели и ушли домой, оставив Игоря и Наташу вдвоем. Они провели эту ночь вместе. Утром, позавтракав, детей завезли в школу, а сами поехали на работу.

В этот вечер Таяновский никуда не собирался и решил побыть вдвоем с дочерью. Часов в одиннадцать раздался телефонный звонок. Гудок был длинный, и Игорь понял – междугородний. Звонил Пашка, у которого тоже никак не могла закончиться черная полоса.

– Что случилось, Паш? – почуяв неладное, спросил Игорь.

Тот раздраженным голосом начал рассказывать другу о происшествии:

– Влип я, Игорек, в одну историю. Представляешь, угодил в BMW одного крутого, а они мне недельный срок дали, чтоб была новая тачка. Если не будет, сказали, что жил-то напрасно. Вечером после работы заехали с Катериной к моим друзьям на новоселье, ну и, сам понимаешь, газ, квас, хорошо посидели. Я был на своей «семерке». После этого застолья поехали к Кате домой, ну и немножко дал по газам, разговаривая с ней. И не понял, откуда взялась эта машина впереди. Тормозить, естественно, было уже поздно. Ну и я со всего маху как дал ей в зад, она аж подпрыгнула, те съехали в сторону, я следом за ними остановился. Вылез, жду хозяина, виноват, оправдываться как-то надо. А оттуда три жлоба вылезли на голову выше меня. Ни «здравствуй», ни «до свидания», сразу стали меня бить, а я в кювет. Катерина выскочила из машины и диким голосом начала орать. Затем из машины высунулся какой-то туз. Я стоял и вытирал рожу платком. Этот, навороченный, сказал только одну фразу: «Если через неделю не будет у меня во дворе новой такой же машины, я с тебя, недоноска, сниму на живую шкуру, а пойдешь в бега – найду из-под земли. Его мордovorоты забрали у меня документы и уехали.

– Паш, а сколько сейчас стоит новая тачка? – перебил его Игорь.

– Двадцать пять тысяч баксов.

– Говоришь, всего неделю дали, – задумчиво произнес Таяновский, – у меня есть дома десять тысяч, могу их тебе дать.

– Спасибо тебе, конечно, Игорек, но этого все равно маловато.

Игорь подумал немного:

– Паш, перезвони через час, я к дяде Вове сбегая, у него всегда копейка водится, думаю, что даст.

Так и условились. Таяновский поехал к Петровичу и объяснил ситуацию, мол, Пашка сделает битую тачку, продаст и сразу деньги привезет. Петрович и не сомневался, что Проскурин из шкуры вон вылезет, но долг отдаст. Молча пошел в комнату и принес пять тысяч долларов, больше у него не было. Он положил деньги на стол и недовольно глянул на Игоря:

– Пить не можете. Водка, Игорек, продается для нормальных людей, тех, кто не создает из-за нее проблем. Я вот Пашку увижу, дам ему чертей! И смотри, чтобы моя жена не узнала, а то я за ваши шкуры переживаю, а своей могу лишиться. Ты же тетку знаешь, у нее кто займы попросит, так прямо глаза кровью наливаются.

Игорь был рад, что Петрович помог, поблагодарил его и быстро вернулся домой. Пашка позвонил ровно через час, и Таяновский сообщил, что пятнадцать тысяч долларов уже есть. У Пашки потеплело на душе. А тут и Катя предложила свою помощь:

– У меня есть покупатель на квартиру, я с дочерью давно хочу перебраться к матери, ей одной очень тяжело, почти вся пенсия уходит на квартплату, а на питание ничего не остается. У нее двухкомнатная, поместимся, да и на работу мне будет гораздо ближе.

Деваться было некуда, Павел принял ее предложение, хоть и не хотел втягивать женщину в эту историю. Она тут же занялась продажей квартиры. Нужная сумма была у Проскурина ровно через неделю. Он встретился с пострадавшим хозяином, отдал ему деньги, а тот переоформил битый BMW на него. Пашка сразу занялся восстановлением машины.

После такой помощи Проскурин как-то по-другому стал смотреть на Катю, увидел в ней друга и надежного человека. Они втроем перешли жить к Катериной матери.

Через две недели восстановленная машина была продана (конечно, после реставрации продал он ее дешевле). Решил в первую очередь отдать долг Игорю и Петровичу, думая, что Катя поймет его. Прижимистая Клавдия Сергеевна даже не узнала, что муж давал займы.

После такой профилактики Пашка с алкоголем завязал и собрался ехать в Анапу на помощь своему другу.

Тем временем маховик неприятностей Таяновского раскручивался все сильнее и сильнее, остановить его уже было невозможно.

Без вины виноватый

Одним ранним утром будильник, как обычно, зазвонил в шесть часов. Игорь поднялся с постели и пошел на кухню. Поставил чайник, а сам – в ванную, освежиться. Выйдя оттуда, приготовил бутерброды, посмотрел на часы: пора будить дочь.

– Танюша, вставай, последний сельский петух прокукарекал, – громко сказал он.

– Пап, уже встаю, – сонно ответила Таня.

– Хочется верить, – выходя из кухни, улыбнулся Игорь.

Таня не заставила себя долго ждать, сели завтракать. И вдруг звонок в дверь. Игорьглянул на часы – полседьмого. «Что-то рановато сегодня приехал за нами охранник», – подумал он. Подойдя к двери, посмотрел в глазок и к своему удивлению увидел капитана милиции в форме в окружении четырех его коллег. Капитана этого Игорь знал не только в лицо (они как-то вместе отдыхали на природе в одной компании) и открыл дверь.

– Что за ранний визит? – сразу задал вопрос хозяин, пытливо глядя на милиционера. Подумал, что на работе, наверное, снова какое-то ЧП.

– Вы Таяновский? – спросил капитан.

– А то ты, капитан, меня не знаешь, а в чем дело?

– На вас поступило заявление, причем такое, что требует безотлагательной проверки, – в официальной форме заявил тот.

– Заходите в квартиру, – сказал удивленный Игорь. – Что же все-таки случилось? – в недоумении спросил он, изумленно глядя на капитана.

Наряд милиции зашел в квартиру, быстро все просмотрев.

– Вы можете, в конце концов, мне объяснить? – с нетерпением продолжал Игорь.

– Где находится ваша машина? – строго начал капитан Датько.

– В гараже. Где же ей еще находиться, не в квартире же? – недовольно ответил Таяновский.

– Вчера по улице Советской в одиннадцать часов вечера был сбит человек.

– А я здесь при чем? Что за чепуха?

Капитан стал читать показания свидетелей о дорожно-транспортном происшествии, которое Таяновский якобы совершил на своем BMW.

Игорь тут же отправил дочку в школу:

– После уроков – к бабушке, оттуда – никуда, – приказал он, поняв, что это очередной компромат Белого.

В показаниях свидетелей было написано: «Таяновский Игорь Юрьевич вчера вечером, проезжая по улице Советской, сбил пешехода. Был слышен глухой удар и крик потерпевшего, после чего водитель остановился, вышел из машины и подбежал к нему. Когда убедился, что человек мертв, открыл багажник и забросил тело туда и с пробуксовкой умчался с места происшествия».

Игорь сел на диван и взялся за голову:

– Капитан, что за ерунду ты несешь?!

– Это не ерунда, это – убийство. Нам надо осмотреть вашу машину, – разводя руками, сказал капитан, – может быть, это и бред.

– Да, идемте, какой разговор, – Игорь взял ключи от гаража и повел туда «нежданных гостей».

Хозяин шел быстрым шагом и никого не слушал. Капитан попытался что-то спросить у подозреваемого, но тот не отвечал. Подойдя к гаражу, Игорь открыл дверь. Наряд милиции стоял в оцеплении, чтобы хозяин при случае не мог убежать. Таяновский глядел на машину и все больше понимал, чего от него хотят. Бампер был смят, правые фары вдребезги разбиты,

капот в крови, правая сторона стекла тоже забрызгана кровью. Игорь стоял молча, уже не задавая никаких вопросов. «Это самая что ни есть подстава», – думал он, достав сигарету и нервно закуривая.

– Господин капитан, согласно тому сценарию, что у вас в руках, вы можете обнаружить труп в багажнике, – повернувшись к капитану, сказал Игорь, протянув руку с ключами от машины, – теперь у меня никакого сомнения нет.

Капитан кивнул одному из своих коллег, который взял ключи и подошел к багажнику. Все стояли в ожидании. «Достали все-таки, мрази», – мысленно перебирая все в голове, думал Игорь. Он постарался взять себя в руки и спокойным тоном спросил у проверяющего оперативника:

– Ну что, лейтенант, никаких отступлений от сценария нет?

– Капитан, подойди сюда, – тот даже не обратил внимания на слова Игоря.

Осмотрев багажник, капитан подошел к Таяновскому:

– Что ж, Игорек, мы вынуждены тебя задержать, – сказал Датько.

Игорь подошел к багажнику машины и увидел в ней съезженный труп своего сотрудника Виталия Жукова. На голове как будто ножом срезан скальп, рубашка, брюки в крови... Таяновский глянул на капитана замороженным взглядом. Голова не хотела воспринимать все, происходившее с ним.

– Да, у вас есть разрешение на ношение и хранение гладкоствольного оружия?

– Я вижу, капитан, вы лучше меня знаете, что у меня есть и чего нету. Здесь бы еще героину найти килограмма три, и было б все чудесно, – горько усмехнулся Игорь.

– Его машину – в отдел, – распорядился капитан.

Игоря повели обратно в квартиру.

– Показывайте, где ваше оружие, в каком состоянии, может быть, на нем тоже есть следы преступлений.

Игорь открыл оружейный сейф, там были девятизарядный винчестер Mossberg американского производства, двенадцатый калибр, и три пачки патронов. Датько взял в руки винчестер.

– Вот это машина, не хуже автомата, – сказал он, целясь в люстру, – сколько же он стоит?

– Семьсот долларов, – ответил Игорь.

– Патроны три ноля, это на медведя? – спросил другой оперативник.

– На мамонта, – недовольно отозвался Таяновский.

– Берите разрешение на оружие, одевайтесь, поедете с нами, мы вас вынуждены задержать, – сказал Датько.

Игоря посадили в уазик между двумя оперативниками и повезли в отдел. Он был ошарашен всем, что произошло, даже забыл позвонить родственникам и предупредить, что его задержали. По пути в отдел заехали в прокуратуру. Датько туда пошел один, вернулся минут через пятнадцать.

– А вот, Игорь Юрьевич, и санкция на ваш арест, подписанная прокурором.

Таяновского закрыли в камере, и до обеда его никто не вызывал. Камера была размером три на пять, примерно как гараж. Стоял страшный смрад от дыма и грязного белья. От большой влажности со стен скатывались капельки воды. Какой только братвы там ни было! Стоять было невозможно, вверху вообще дышать нечем. Игорь насчитал в камере двенадцать человек.

– Хотя бы, суки, вентиляцию включили, – сказал один из подследственных, – мужика в упор не вижу.

И тут, как бы по его команде, загудела вентиляция.

– Мужики, есть свободное место? – спросил Игорь.

– Да, иди сюда ко мне, мужичок, – отозвался один из бывалых, – и ты втиснешься, не будешь же у двери стоять как статуя.

Игорь кое-как протиснулся к нему, переступая через ноги лежавших на полу подследственных. Тот представился:

– Саня.

– Игорь, – отозвался Таяновский.

– За что тебя повязали? – поинтересовался сосед.

– Пока сам не знаю.

– Все мы не знаем, за что нас берут, – поддержал разговор Саня. – Потом, в конце концов, выясняется, что за дело, после того как менты по печени надают, не только про свою делюгу рассказываешь, но и чужую прихватишь.

Один из подследственных, по кличке Одессит (он действительно был родом из Одессы), тут же «перехватил микрофон» в свои руки:

– Вот, например, я. Познакомился с одной лялей в баре, она вся прикопаная, ну ля-ля, три рубля. Время позднее, пора в люлю, повел ее провожать, а когда Галочка завела меня в квартиру, мама родная, чуть у меня глаз не выкатился, эта хата на музей похожа. Все, думаю, женюсь: завтра с утра расписываемся, после обеда начинаем детей делать. Галя все на стол, что было, ну, стол столом (не сидеть же мы сюда пришли?), чуть посидели и под одеяло.

– Ну а в постели как она? – спросил один из заключенных.

– С ума сойти, профессор, – ответил Одессит, поцеловав три пальца, – я говорю, Галина Сергеевна, вам в вузе это ремесло преподавать надо.

– И что дальше?

– А что дальше? Сердце-то у меня слабое, пацки все она с себя снимала и аккуратно положила к себе в шкатулочку. Слышу, спит, аж всхлипывает, ну, думаю, вот и время прощаться нам. Я, как кот, через нее тихонечко перелез, думаю: «Любовь, неподкрепленная материально, недолговечна, ла-ла-ла здесь не прокатит». Потихонечку оделся, конечно, прихватил с собой шкатулку, в шифоньере шмон навел. Таким образом, у меня получилось две сумочки. Целоваться на прощанье с Галей не стал, она так сладко спала, что жалко было будить, закрыл тихонько дверь и ушел оттуда.

Она, падла, оказалась мусорской дочкой, и утром в десять часов меня и выцепили возле рынка с этими же сумарями. Шел к другу, думал, отсижусь недельку, а там видно будет, а у меня на роже написано, кто я таков, и тут же: «Ваши документы?» Сразу меня привезли в до боли знакомое учреждение. А в отделе меня уже ждет новоиспеченный тесть, правда, без цветов встречает, сразу ядом стал дышать на меня. Через некоторое время и Галюня моя появилась и вещи свои, естественно, опознала. Меня, соответственно, завели в камеру два мусора и стали подмлаживать. Я кричу: «Признаюсь во всем, не бейте», а они, скоты, еще сильнее, да приговаривают: «Чтоб не воровал».

Эти устали, зашли другие двое. Я забился в угол, думаю, все, хана, угрожают. Говорю: «Мусора, вы что, убить меня хотите? Если убить, то хоть на природе, чтоб красиво было». Один из них: «За тебя сидеть?! Жить ты будешь, но недолго». А другой кричит: «Возьмешь еще на себя ларек, тогда перестанем бить». А я – чуть живой: «С удовольствием!» Вот так и подженился, неделю ни есть, ни пить не хотелось.

Саня подозвал к себе Игоря:

– Ты, Игорек, меньше языком здесь, в камере, трепи, что почем. Тут всякой шушеры хватает, сам такой правильный, в душу лезет, чтоб из тебя вытянуть что-нибудь, а потом мусорах весь расклад. Вон, видишь, сидит, – и показал на одного парня лет двадцати, – наркоша, голимый, сейчас его мусора выцепят к себе, покажут баян, он и мать родную продаст.

С другой стороны от Игоря лежал Толик, кинули его сюда по двести шестой – бакланка.

– Братан, ты где такой куртец оторвал? – шупая французскую кожаную куртку Игоря, поинтересовался он. – Подари, до пенсии помнить буду.

Игорь с презрением посмотрел на него:

– Если ты до нее доживешь.

Тот вскочил, обиженный:

– А что ты раньше времени меня хоронишь, фраер нашелся, снимай куртку, ты, клоун.

– А ключи от квартиры не надо? – ответил Игорь и встал.

– Да ты наглый, как танк, – не унимался Толик.

Вся камера была в ожидании, чем закончится их спор. Саня, сосед, тоже молчал, хоть он и присматривал в камере за порядком, видимо, хотел посмотреть, на что способен Игорь. Таяновский понял, что мозги Толика ничем, кроме кулака, не пробьешь, и изо всех сил ударил его в грудь, по лицу побоялся. Тот упал на других подследственных и, видимо, наступил кому-то на ногу. Еще двое поднялись и направились к Игорю. Тут показал свою власть Саня, он скомандовал:

– А ну, упали все.

Драка была приостановлена. Вдруг дверь в камеру открылась, дежурный, видимо, услышал шум:

– Что за крик у вас, может быть, успокоительную профилактику провести? – сердито спросил он.

В защиту камеры выступил все тот же Саня:

– Командир, да все нормально. В натуре, дурачились мужики.

Успокоенный дежурный закрыл дверь, следом открылась кормушка. В это время был обход врача. Все подследственные выстраивались в очередь и говорили, кого что беспокоит. Через некоторое время врач приходила снова, называла фамилию и выдавала лекарство. Игорь в эту очередь становиться не стал. Одессит стоял последним и очень серьезно спросил:

– Доктор, у вас брома нет?

– А зачем тебе?

– Чтоб девушки по ночам не снились.

– Я тебе завтра топор принесу, – так же серьезно ответила врач, хлопнув кормушкой.

В два часа дежурный окликнул:

– Кто Таяновский?

Игорь встал с деревянного пола.

– Как фамилия? Таяновский? – спросил дежурный.

– Да.

– Пошли со мной, – скомандовал молодой милиционер.

Его привели в комнату дознаний, где уже сидели три оперативных работника. Один из них, мужчина лет сорока, с темными, уже седеющими волосами, вежливо сказал:

– Пожалуйста, присаживайтесь. Моя фамилия Прохоров, я буду вести ваше дело.

Второй оперативник был старший лейтенант лет тридцати, а третий, одетый в гражданское, сидел за столом и что-то писал. Прохоров перечитывал показания свидетелей и вынул из стола чистую бумагу.

– Вот вам бумага, ручка, – протяжно сказал он, – распишите весь свой вчерашний день по минутам, где были, что делали.

Старлей внимательно разглядывал Игоря. Тот долго сидел, вспоминал, чтобы ничего не пропустить. После того как все написал, Прохоров стал читать показания.

– Вы правду написали? – обратился он.

– Правдивее не бывает, – ответил Игорь.

Дежурный опять отвел его в камеру. Следователь сомневался в искренности Игоря, и у него были веские на то причины: сбитым пешеходом оказался сотрудник фирмы «Прогресс», кладовщик и реализатор пиломатериалов Виталий Жуков.

Через одного знакомого милиционера Игорь сообщил родственникам, что задержан по подозрению в убийстве. Те, зная характер Игоря, были в страшном недоумении: как же это могло произойти?

В мастерской у Петровича многие милиционеры ремонтировались, и поэтому, когда он приехал в отдел, знакомые пропустили его к битой BMW. Внимательно осматривая машину, Петрович понимал, что на ней был сбит человек, а шестое чувство ему говорило: «Да не мог Игорь этого сделать, здесь что-то не так, хотя, с другой стороны, факт налицо». Расстроенный Петрович уехал домой, к родственникам.

Прохоров, предварительно опросив рабочих «Прогресса», зацепился за один факт. Таяновский однажды хотел уволить Жукова за недостачу обрезной доски, но тот погасил ее и сослался на то, что где-то обсчитался, отпуская материал клиенту. Два грузчика слышали, как Таяновский ругал Жукова. Опросив еще нескольких рабочих, Прохоров пришел к выводу, что этот факт подтверждает причастность Игоря к убийству. Ну а, может быть, произошла случайность, когда Жуков возвращался домой пьяным, так как экспертиза показала, что он был в состоянии алкогольного опьянения.

Следователь ехал в отдел, обдумывая дело Таяновского. «Ну почему же он не избавился от главной улики: машина в крови, фары разбитые, бампер и, тем более, труп в багажнике?» Он мысленно поставил себя на его место: «Если я убиваю Жукова, то какой мне смысл рисковать, выезжать на разбитой, окровавленной машине куда-то за город? Это так – до первого гаишника, – рассуждал следователь. – Таяновский – неглупый малый, будучи даже пьяным, обстановку оценил бы правильно. Машину – в гараж, а днем – на другой, все концы в воду, да и рихтовщик он неплохой, работы там немного, вымыл бы и отстучал ее за день. Может, и дядька помог бы, – Прохоров хорошо знал Петровича, – а то, что он говорит про какие-то звонки, рэкетиры, это он пургу метет, чтобы замести следы. Понятно, что не хочется от таких денег идти в тюрьму. Резко континентальная жизнь получается, а то, что дочь говорит, что он с семи часов был дома», это еще не доказательство его невиновности», – подъезжая к отделу, закончил свои рассуждения следователь.

Вечером в камере открылась кормушка, другой дежурный подозвал Игоря к себе и передал малевку. Игорь отошел в угол ближе к свету и стал жадно читать: «Слушай, ты, предприниматель хренов, если не возьмешь эту делюгу на себя, то распрощаешься со своей дочерью и матушкой. Пока ты там будешь сидеть в КПЗ, им здесь уже по сорок дней отметят. А мусорам можешь эту малевку даже и не показывать, они решат, что ты их за нос водишь, тем более они заинтересованы, чтобы дело было раскрыто».

У Игоря все оборвалось внутри: «Вот так послание», – подумал он. Дочитав малевку, он кинул ее в камерный унитаз, и присел на свое место. «Как же быть, как выйти из этой ситуации? – думал он. – Скорей бы приехал Пашка, чтобы переоформить фирму на него».

Таяновского вызвали на следующий допрос. Следователь зачитал свидетельские показания. Они подтверждали, что, действительно, именно его машина стояла с включенными фарами, когда они услышали стук и крик пострадавшего, и запомнили номер.

– Вы сделали правильно, что не стали избавляться от трупа с такой машиной. Я представил себя на вашем месте, в принципе, я поступил бы так же, машину бы подрихтовал в гараже, тем более вы хороший мастер, – рассказывал свою версию следователь.

Игорь сидел на стуле, прибитом к полу, и смотрел на него. «Оторвать бы этот стул от пола и дать им тебе по башке, да так, чтобы мозги по стенкам разлетелись, – думал про себя Таяновский, сжимая край стула пальцами, но потом успокоил себя: – Прохоров здесь ни при чем, ему даже зацепиться не за что».

– Игорь Юрьевич, я понимаю, что каждый человек сам для себя адвокат, но все факты против вас. Вы сейчас в КПЗ паритесь. Согласитесь, что в тюрьме легче, и время при работе летит быстрее, – уговаривая, рассуждал следователь.

– Вы что, капитан, хотите, чтобы я сам себе приговор подписал? – стукнув по столу, сказал Таяновский.

Прохоров разозлился:

– Тебе придется писать, только не приговор, а честное признание, а приговор тебе вынесут судьи. Ты здесь девку нетроганую из себя не корчи, к нам не такие умники попадали, по пять-шесть судимостей за плечами, и те кололись!

В это время дежурный позвал Прохорова к начальству по какому-то неотложному делу. Один из оперативников подошел к Игорю:

– А ну, встань!

Игорь встал, держа руки на животе. Опер ударил его локтем в грудь, и он упал на стул.

– Встать! – вновь крикнул опер. – Ну что, писать правду будем? – и опять ударил его в грудь.

«Да, сдачи здесь не дашь», – подумал Игорь.

– Уважаемый, вы медкомиссию проходили? – обратился он к оперу, имея в виду психиатра.

– Ой, как мы дерзим, ой, дерзим! – повторил старлей и куда-то вышел.

– Да по тебе зона плачет, – убеждал тем временем другой.

Зашел оскорбленный оперативник и, подойдя к Игорю, ударил его два раза дубинкой по голове. Таяновский потерял сознание и упал со стула. Через несколько минут, придя в себя, он понял, что этим «блюстителем порядка» грубить не стоит. Тут вошел Прохоров и предложил сигарету:

– Игорь Юрьевич, пишите правду, не будем портить нервы друг другу, ни мы вам, ни вы нам, – на полтона ниже говорил следователь.

В голове Таяновского стоял такой гул, как будто работал дизель. Игорь курил и думал: «Напишу показания следователю, как он сватает, а на суде откажусь, скажу, что на меня надавили следственные органы».

– Ну что, надумал? – обратился к нему Прохоров.

– Меня до суда выпустят под залог? – спросил Таяновский, не обращая внимания на вопрос следователя.

– Ну, конечно, если напишешь всю правду, – продолжал свою песню Прохоров.

Игорь подумал и попросил бумагу и ручку. «Слава богу, на свободе я что-нибудь сделаю», – думал Таяновский, когда писал липу для следователя.

На следующий день Игорь через знакомого передал записку Петровичу. Еще через день в девять утра тот приехал и заплатил пятьдесят миллионов, чтобы племянника выпустили под залог. Игорь подписал подписку о невыезде и был отпущен до суда.

Чтобы сохранить жизнь своим близким, Таяновский решил это ДТП взять на себя, понимая, что шутки с бандитами слишком дорого обходятся. Родственникам стал говорить, что это он сбил Жукова. «Даже если дочь скажет, что я приехал в семь вечера, – думал он, – совру. Мол, в десять она заснула, а в пол-одиннадцатого я уезжал. Пашке тоже ничего не скажу».

Вечером собралась вся родня Игоря и покойной Марины. Он рассказал все, что с ним произошло за это время, за исключением применения к нему силы.

– Тебя там не били? – спросила мать, что-то почувствовав.

– Нет, – ответил Игорь.

Мать все равно плакала и причитала: «Что за напасть на нашу семью? Беда за бедой идет в дом, проклял нас кто, что ли?» Петрович сидел молча, теперь он не сомневался, что это сделал его племянник.

Через неделю Игорь встречал в аэропорту Пашку. Друг воспринял это ЧП, как взрыв бомбы.

– Давай, Паша, быстро переоформим предприятие, так как я не знаю, когда придет повестка в суд: может, через месяц, может, через неделю.

Уже через три дня фирма «Прогресс» была переоформлена на Проскурина Павла Ивановича, и все движимое и недвижимое имущество перешло к нему в собственность. После этого Таяновский вместе с Пашкой, не подавая виду, что они друзья, решили провести общее собрание сотрудников. Всего в «Прогрессе» работало пятьдесят человек, включая охрану. Все без исключения пришли, даже уборщицы, так как по предприятию давно ходили разные слухи, но никто толком ничего не знал. Игорь открыл собрание такими словами:

– Я прекрасно понимаю, что сейчас очень тяжело с работой, и каждый за нее держится, как только может, тем более зарплату мы здесь получаем своевременно. Поэтому хочу вас успокоить: ни один человек из этой организации уволен не будет, только хозяином фирмы будет другое лицо, – и показал рукой на Пашку, – Проскурин Павел Иванович. А что касается меня, вы прекрасно знаете, что я совершил дорожно-транспортное происшествие, и через некоторое время будет суд.

Кто-то из грузчиков не выдержал и крикнул:

– Игорь Юрьевич, мы не верим, что это сделали вы, скорее всего, это те козлы подстроили.

То, что Таяновский не платит рэкетирам дань, не было секретом.

– Нет, Коля, это я, – ответил Игорь.

Пашка пробыл в городе еще неделю, ближе познакомился с рабочими, зама оставил того же, договорился, что документы будет подписывать из Челябинска по факсу, пообещал Игорю приехать на суд и улетел домой.

Все дни до суда Игорь проводил у матери. У нее уже было плохое здоровье, мучилась с давлением. Бывал он и у Натальи. Ровно на двадцатый день пришла повестка в суд, дни свободы Таяновского подходили к концу. Он нанял хорошего адвоката, разумеется, за приличную плату.

– Постараюсь сделать все возможное, ну, чтобы срок сбить до пяти лет. Ты же понимаешь, Игорек, что судить тебя будут по двум статьям: наезд на пешехода со смертельным исходом и сокрытие преступления. А что касается сокрытия, нужно придерживаться только этой позиции, другого выхода у нас нет, – говорил адвокат с сочувствием. – Говори, нервы не выдержали, одним словом, страх заставил бежать с места происшествия.

Игорь морально настроился. «Пусть лет пять дадут, а там – хорошая работа, а может, амнистия, выдержу, – думал он, держа повестку в руках. – Да и эти козлы пусть пока позлодествуют».

Таяновский позвонил Пашке, сообщил, на какой день назначен суд, тот приехал, как и обещал.

– На ежемесячную помощь рассчитывай на меня, – успокаивал он Игоря, – питаться будешь не хуже, чем дома, это я тебе обещаю, а этих козлов...

Игорь погрозил пальцем и сурово посмотрел на Пашку:

– А вот этого делать не нужно, еще придет время собирать камни.

Суд начался в одиннадцать утра. Зал был заполнен до отказа. Впереди сидели матери Игоря и Марины, Наташа, дочь и Павел, остальные друзья, сотрудники – сзади. Игоря завели в клетку для подсудимых. Государственный прокурор Куц зачитал приговор по данному преступлению.

Таяновский согласился с обвинением и подробно рассказал о дорожно-транспортном происшествии. Так как его судили по двум статьям, прокурор запросил восемь лет лишения свободы в колонии общего режима. Судьи ушли на совещание. Родственники, не переставая, плакали. Игорь сидел в клетке, склонив голову, и только мышцы дергались на скулах. После

небольшого совещания заседание суда продолжилось, и судьи вынесли приговор: «Таяновского Игоря Юрьевича лишить свободы на пять лет с содержанием в колонии общего режима».

Игорь вздохнул с облегчением: «Слава богу, хоть не восемь! Не обманул адвокат».

Дежурный наряд милиции вывел Таяновского из зала суда, родственников попросили разойтись. Через неделю его должны были отправить этапом в город Двухбратск. Этапы всегда отправляли по пятницам, Игорю удалось сообщить об этом родственникам. Утром у поезда его ждала вся родня, Пашка, Наташа. Мать с дочерью стояли заплаканные, хотели подойти, но милиция не пускала.

– Папочка, я буду тебе писать, – кричала Танюша, вытирая слезы, – ты тоже пиши!

Игорь в ответ только помахал рукой, а Пашке погрозил кулаком, держись, мол. Его загнали в вагон. А к вечеру поезд прибыл на место, и широкие ворота тюрьмы встречали Таяновского в Двухбратске.

Ты мне чаще пиши,
Хоть два слова: «Живая».
Я теперь далеко,
Как ты там, дорогая?

Дует ветер в лицо,
Во все швы продувая,
И устать не устал,
Знать погода такая.

Ты приснилась во сне,
Все на карты гадая,
И вино на столе,
Ты сидишь – молодая.

Скоро встретимся вновь
У родного порога.
Ты обнимешь меня:
Дождалась, слава богу!

Зона

Зона находилась в трех километрах от города. Здания то ли казарм, то ли складов дореволюционной постройки. Здесь когда-то находилась воинская часть, преобразованная в ИТК руками тех же ЗК. Только смотровые вышки и колючая проволока, натянутая по периметру в несколько рядов, подчеркивали назначение этого учреждения. В зоне находилось около семисот заключенных. Занимались переработкой древесины. Продукцию выпускали разную, начиная от мебели и заканчивая вязаными овощными сетками, одним словом, все, что требовал рынок, чтобы как-то прокормить себя.

В семь часов милицейский воронок заехал в зону. Хозяин зоны Иван Данилович Мельников лично знакомился с осужденными, чтобы своими глазами посмотреть, что за «кадра» вновь прибыла. Всех загнали в камеру и по очереди вызывали к хозяину. Таяновский зашел в кабинет назавтра, в одиннадцать дня.

– Ну, присаживайся, мил человек, – с ехидством сказал хозяин, снимая фуражку и вытирая пот со лба. – Что-то жарковато с утра. Кто такой, откуда и за что прибыл к нам?

– Сбил человека, дали пять лет.

– Был в наших учреждениях?

– Бог миловал.

– От суммы да от тюрьмы не зарекайся... Ну а помогать нам будешь? – спросил хозяин, перелистывая его дело и глядя из-под очков.

– Это каким же образом? – поинтересовался Игорь.

– Мы тебе хорошую должность подберем, непыльную, так сказать...

– Это что же, в качестве шестерки я должен быть?! – перебил Таяновский, даже не дослушав хозяина до конца. – Нет, гражданин майор, ты меня не сватай. Я хочу честно отработать свой срок и уйти, громко хлопнув за собой дверью, чтобы в ваше учреждение никогда больше не попасть.

Майор позвал дежурного:

– Сержант, отведешь его в двенадцатый отряд и устроишь там, уж больно на работу падкий, – усмехнулся он. – Давай, Игорь Юрьевич, посмотрим, какой ты честный человек и как хочешь искупить свою вину.

Сержант привел его в барак, показал койку и вызвал завхоза:

– Давай, определяй.

В зоне были люди из Анапы. Вот так встреча! Игорь был приятно удивлен, когда увидел дядю Мишу. Кличка у него была Дед, да и выглядел он лет на шестьдесят. Дядя Миша тоже был рад снова увидеть его.

– Гора с горой не сходятся, а человек с человеком... Здравствуй, помню, помню тебя, как ты мне помог в тяжелое время! – пожав ему руку, сказал Дед. – Ну, давай присядем, рассказывай за что.

Игорь вкратце рассказал, что произошло, не признаваясь, однако, что случилось на самом деле.

– А вы за что? – закончив свой рассказ, спросил он.

– Да ты когда мне лесу дал, я начал лепить хатенку потихоньку, таксовал на своем «жигуленке», чтобы прожить. Жены у меня нет, умерла давно, холостяковал. Сам строил, друзья помогали немножко, словом, до осени управились, сделали две комнатки, для меня хватит. Думал, подобью денжат и приглашу тебя на ночную рыбалку. Ну и что ты думаешь, приезжаю однажды в полночь к дому (другой раз и допоздна задерживался, если клиент на дальняк попадался), смотрю, какой-то молодой на соседской лавке с телевизором возится. Без всякой задней мысли загнал машину во двор и в дом.

А друг подарил мне черно-белый телевизор «Рекорд», я его починил, работал он отлично. Захожу в комнату, смотрю – нет его. Ну, думаю, сука, я тебя сделаю – и следом за ворюгой: сразу понял, он мой телевизор попер, а он еще из поля зрения не скрылся. Я бегом за ним и догнал около пятиэтажки, он только в подъезд стал заходить. Смотрю, пацан лет двадцати, и с моим «Рекордом». Говорю: «А ну, стой, сучонок, ты где телевизор взял?» А он: «У друга», мотай, мол, отсюда на три буквы. Ставит «Рекорд» на бетон и ко мне, драться. Я его схватил за грудки, хотел врезать, а он, гаденыш, вывернулся, да как дал ногой в грудь – я так и посунулся на заднице. Ну, думаю, видит бог, не хотел тебя трогать. У меня случайно отвертка была в кармане. Подскочил к нему, но уже с отверткой в руке (она такая длинная, тоненькая, сантиметров пятнадцать) и ударил гада в живот. Он, паразит, так и присел. Второй раз в горячке ударил его в грудь, да не промахнулся, прямо в сердце и попал.

Тут крик, шум, гам, соседи с первого этажа всю эту драку видели, одним словом, воронка долго ждать не пришлось. Минут через пять и мусора приехали, надели браслеты, дали по горбу дубиной и в отдел. Этот гаденыш оказался сыном одного уважаемого доктора, мусора давай меня пытаться: «Докажи, что телевизор твой был». А срок-то у меня не первый, я в Караганде десять лет оттарабанил от звонка до звонка. Ну, короче, засватали меня, семь лет впаяли. Вот такие дела.

Дед похлопал Игоря по плечу и добавил:

– А ты, если что, подходи, я посоветую, ты законов зековских не знаешь, сперва очень тяжело. Так что, Игорек, нам теперь вместе долго зоновскую пайку хавать, а если с воли помощи нету, то вообще караул. Кормят такой парашей, даже зоновских собак воротит от такой жратвы.

– Мне это не грозит, – отозвался Игорь, – будет помощь с воли и едой, и копеечкой. Дружок перед судом сказал: «Только не проси, Игорь, ядерного оружия, остальное все у тебя будет».

– Все они обещают там, на воле, когда у тебя стол накрыт, а потом быстро забывают, – отозвался Дед.

– Да нет, он не из тех, кто склерозом страдает, – ответил Игорь.

– Дай-то бог, если грев с воли есть, здесь неплохо можно жить. Я поговорю с отрядным, чтобы ты работал у меня в бригаде. Мы вяжем овощные сетки, работа нудная, но в тепле, и грыжи себе не заработаешь, а если деньги есть в кармане, пятьдесят тысяч заплатил бугру – и гуляй, свободен.

Так и стал Игорь работать в дедовской бригаде, привыкать к зоновской жизни. Месяца через полтора получил от Пашки страшное письмо. Тот в первых же строках подчеркнул: «Ты только не подумай, что в этом есть твоя вина, и не кори себя». Таяновский насторожился.

«Работы своей было невпроворот, – писал Пашка, – я послал Вовку, брата, в Анапу, да тот и сам рвался – никогда на морях не был. Передал кое-какие документы, и чтоб посмотрел, как твое предприятие заасфальтируют. Первый слой, наверное, тонкий положили, машины все ямки повыбивали. Пока он крутился в фирме, познакомился с кассиршей Светой, такая симпатичная девчонка. Ну, вечером пляж, бар и все остальное. У Натальи Петровны, матери твоей, жить не захотел, чтобы не стеснять их с Танюшкой, она дала ему ключ от твоей квартиры. А к управляющему тоже приходили быки Козыря, сказали: “Передай своему шефу, – то есть теперь мне, – где он там находится, мы не знаем, если он не будет отстегивать проценты, мы пустим красного петуха в эту организацию, и дело с концом”. А кто-то сказал, что Вовка – мой брат, он мне факсом прислал это предупреждение. Ну, я взял и отписал факсом, чтобы управляющий передал этим козлам мой ответ, а там такое нарисовал, ты догадываешься, что. Тот мое художество передал.

На следующий день Вовка отвел после дискотеки Светку домой и после этого нигде не появился. Все почувствовали неладное, не мог он, никого не предупредив, уехать домой, да и ключ от твоей квартиры у него. Все знали, что он должен был уехать недели через две, не

раньше. Мне тут же обо всем сообщили. Я тоже почувствовал неладное, на самолет – и туда. Знаю, что знакомых у него в Анапе нет, сразу в милицию, поставил всех на ноги. Четыре дня ни слуху, ни духу. Все, думаю, у меня мысли черные в голове появились, так и оказалось. На четвертый день мне в милиции сообщили, что брат мой находится в морге. Узнали его только по документам. Я его кое-как опознал, можешь себе представить, в такую жару четыре дня пролежал в лесу. Судмедэксперт однозначно сказал, что это зверское убийство, даже пальцы на руках были поломаны, а все тело было исколото ножом, я чуть не тронулся.

Управляющий сообщил милиции, кто приходил. Быстро сделали фотороботы, установили фамилии, местопребывание этих садистов. Милиция объявила всесоюзный розыск, но искать их долго не пришлось. Через пару дней управляющего забрал наряд милиции, его повезли в морг, так как были обнаружены три трупа, похожие на визитеров, и тот их сразу опознал. Они были убиты выстрелом в голову, одной и той же рукой. Вот так и оборвалась ниточка, а кто является главным заказчиком, попробуй, догадайся, но нам-то и догадываться не надо.

Родителям сообщил: «Встречайте, выезжаю с гробом – Вова погиб». Мать на себе волосы рвала. Кое-как, распухшего, его затолкали в цинковый гроб, запаяли – по-другому везти нельзя было. И с таким “подарком” я возвращался в Челябинск. Слишком дорогой ценой, Игорь, мы за все это платим: ты – самой любимой, а я – самым дорогим, хотя, убежден, что за все эти гады ответят».

Таяновский всю ночь не спал, раздумывая о письме, и, чувствуя себя отчасти виноватым, уснул только под утро.

Игорь строил планы разгрома Белого. Дед помогал ему советами и, хорошо зная зековские порядки и законы, говорил:

– А что здесь долго думать? Копейка у тебя имеется, взял снайперскую винтовку, завалил прям около ресторана, метров с пятисот. Пока его быки очухаются, ты уже будешь дома сидеть у телевизора, горячий кофе пить.

Смотрящим за этой зоной был Сергей Григорьевич Волабин по кличке Длинный. Характеризуя его, Белый, ухмыляясь, говорил: «Дерзкий малый». Они вместе сидели в Златоусте, в так называемой «восьмерке», – зеки считали ее самой беспредельной по всей России, ментовский террор – хуже, чем в третьем рейхе. У Длинного была четвертая судимость за хранение и распространение наркотиков, в четвертый раз он попался на «южных морях», взяли его с поличным при передаче товара, он был осужден к восьми годам лишения свободы, а отбывал наказание в двухбратской тюрьме. Белый именно эту зону подкармливал всякими «сладостями» – кому наркотики передавал, кому деньги, а Длинный, в свою очередь, выполнял все заказы и просьбы Белого: как говорят, кто платит, тот и музыку заказывает. Вот и отправил он Длинному такой заказ: «Братан, к тебе там посадили очень гордого орла, я тут с ним на свободе никак не мог договориться, почему-то мы не смогли найти общий язык, так что сделай из него курочку, а лучше – петушка, так, чтобы жил, но очень плохо. Дело в том, что у него на свободе копейка осталась, причем немалая, не захотел поделиться, крыса. А я его здесь подожду».

Длинный отписал Белому в ответ: «Братан, прокоцаю, все сделаю, непокорных на зоне не бывает, тем более на моей, – подчеркивая тем самым свою власть и силу. – С хозяином у меня все чики-пуки. Сам пару раз обращался, надо было одного козла проучить, так что этот будущий петушок будет моим, а я люблю свежатину, чтобы бабы по ночам не снились».

Длинный заслал своего шныря:

– Узнай, Васька, кто такой, всю подноготную, с кем кентуется, может, есть за ним грешки какие.

Шнырь навел справки и доложил:

– Да нет за ним ничего, мужик как мужик: работает, никому не должен, не играет, с воли хороший согрев получает, со своей хатой делится, а самое главное – с Дедом сдружился.

«Это уже намного хуже», – подумал Длинный. Дед хоть и мужиком был, но с Игроком кентовался, были у них раньше какие-то общие дела, а Игрок, можно сказать, второй человек на зоне. Всю играющую в карты братву он крутил, как хотел, и не только здесь. Всюду, где бы он ни сидел, ему равных не было. За свои двадцать девять лет отсидки, начиная со сталинских времен, ни одному зеку пришлось с ним поплатиться собственной шкурой, проиграв в карты. Марку он держал по нынешнее время. Другу своему, Деду, говорил: «Я, братан, свободы боюсь, как черт лаdana. Самое большее, что я там находился, – одиннадцать дней между сроками. Я чуть не извелся, пошел и украл в ларьке двести семьдесят рублей и часы, слава богу, назад привезли. Тут я привык, а там – черт знает, что делать. Люди какие-то не такие». Да и, действительно, идти ему некуда было. Детдомовец, без родни, ни кола ни двора. Так и доживал по зонам.

Длинный долго мозговал, как технически провернуть это дело. Если дал слово Белому – надо делать, хоть и мужик он нормальный, этот Таяновский. Вечером Длинный выбрал момент, когда никого вокруг не было (обычно возле него всегда тасовались кенты), и подозвал к себе шныря:

– Ты, Васек, подкинь к нему под подушку или в тумбочку сигарет своих, чаю, а братве кричи, что скрысятничал, сука.

На зоне за воровство били и опускали человека. Убить, может, сразу и не убьют, но здоровье отнимут точно. «А то так, с бухты-барахты, опустить человека... братва может не понять, – рассуждал Длинный, – да и Игрок вдруг поднимет хипиш, начнутся разборки».

Вечером после ужина шнырь метался по бараку и матерился злым матом.

– Васька, в чем дело, что у тебя пропало? – спросила братва.

– Какая-то крыса насунула чай и сигареты, да и сало было в кулке.

Кент шныря подошел и стал подыгрывать:

– Может, у этого тихони поглядишь, уж больно у него рожа правильная, – показал на Таяновского.

Игорь сидел на койке. Он оторвал глаза от газеты и молча поглядел на разыгрывавшийся спектакль, затем, не обращая на них никакого внимания, упал на койку и взялся читать дальше. Шнырь со своим кентом подошли к Игорю:

– Братик, не в обломняк, – ехидным голоском обратился к нему шнырь, – давай посмотрим у тебя, глядишь, и обнаружим пропажу.

Дед молча наблюдал за происходящим. Увидев, что наезжают на Таяновского, окликнул:

– Ты, промокашка, что ты от мужика хочешь? Что за наезд? Нас целый день в бараке не было.

– Да мы поглядим, если нет – не в западло, извинюсь.

Дед примолк.

– А если нет у меня ничего, я тебе рожу набыю, устраивает? – спросил Игорь, вставая с постели.

Шнырь стал искать и вдруг под матрасом обнаружил то, что хотел найти, и, счастливый от находки, которую сам же положил, показал ее всей братве. Игорь, не раздумывая, ударил его со всего маху в челюсть, понимая, что это подлог. Шнырь улетел к батарее и больше не встал, слету обнял ее головой, сидел, держась за челюсть. Второго Игорь тоже что было сил подцепил керзачом ниже пояса, и так, видимо, удачно попал, что тот аж подпрыгнул и заорал, а лицо такое было, что смотреть страшно. Он в мгновение очутился перед Игорем на коленях, склоняясь к нему головой. Второй удар пришелся прямо в лицо. После такого Васькин друг лежал полуживой.

Подбежал Дед, он был справедливым и кражу не потерпел бы даже от друга:

– Игорь, объясни, как это оказалось у тебя под матрасом?

– Без понятия, дядь Миш, я же вместе с тобой был на промзоне, пролететь в барак я никак не мог, это – спектакль, сам понимаешь.

Дед глянул на Ваську, тот сидел на корточках и шепеляво матерился:

– Челюсть, конь педальный, перебил, ну, сука, держись. Тебе это так не прокатит, ты теперь ку-ка-ре-ку.

Дед не выдержал и тоже ударил шныря керзачом со всего маху в живот. Игорь подскочил, хотел еще дать, но Дед его остановил:

– Успокойся, разберемся еще.

Утром на перекличке Таяновский узнал, что у Васьки челюсть сломана в двух местах, и он находится в зоновской больнице. А у другого, корешка его, распухло все до громадных размеров, ходит, как будто гирию кто-то привязал между ног, его тоже прооперировали. Игоря не сдали куму, сказали, что у пострадавших между собой была разборка, а ему решили, как бы там ни было, отомстить.

Дед, озабоченный таким наездом на Таяновского, попросил Игрока навести справки: «Мужик не при делах, это – гонки». Игрок попытался узнать у Длинного, а тот якобы ничего не знает: намяли ребра друг другу, да и все. Вечером позвали Таяновского к Длинному на сходняк, узнать, что произошло на самом деле. У Длинного сидела вся зоновская элита, тут же находился и Игрок: он всегда присутствовал на разборках.

– Присаживайся, мужичок, – сказал Игорю Длинный, – расскажи подробно, что за гонки были у вас, кто у кого скрысятничал?

Игорь присел на табуретку, быки Длинного стояли сзади. «Сейчас отнимут полздоровья, забьют, козлы», – подумал он, а потом стал рассказывать:

– Мужики, меня не было в бараке, я на промзоне находился, да и с воли мне хороший грёв идет, тут секрета нету. Надо быть последним идиотом, чтобы полезть по тумбочкам, одно с другим никак не вяжется.

– А может, кому на воле задолжал? – с намеком поинтересовался Длинный.

Игорь взглянул на него, и они друг друга поняли. «Наверное, пришла малевка от Белого, и он пустил ее в ход», – подумал Таяновский.

– Да нет, ничего я никому не должен, работаю на себя и срок отматываю, вот и все. Задолжал только долги свои пособирать на воле, – и Игорь с такой же серьезностью поглядел на Длинного.

Тот понял – этот за себя постоит.

– На воле была у меня фирма, за «боюсь» не стал платить, так они, беспредельники, жену угрохали, меня, ни за хрен собачий, сюда засунули, а теперь сюда малевки шлют, чтобы зоновская братва или опустила, или угрохала меня, непокорного.

Возле Длинного сидело человек семь зеков, все молчали.

– Вот видишь, Игорек, как говорят, «от тюрьмы да от сумы не зарекайся», – сказал Длинный. – А грёв, говоришь, хороший получаешь, наверное, тебе приятно, что каждый месяц тебя так подогревают. Ну не у всех же есть родня и кенты, поэтому наша братва и снимает потихоньку бабки с фраеров, чтобы мы здесь с голоду не подохли, они ведь тоже приворовывают у государства, а наша братва делится с нами.

– Я не воровал, работал честно, – ответил Игорь.

– Конечно, это дело добровольное, хочу плачу, хочу нет, – отозвался Длинный.

– Пусть мужичок идет, он не при делах, по нему видно, – вмешался в разговор Игрок, – а что челюсти поломал да яйца помял – правильно сделал, не хрен мужика подставлять.

Остальная братва поддержала Игрока.

– Но смотри, мужик, если за руки поймаю, твоя мама – сирота, – сказал Длинный.

С таким заключительным предостережением Игоря и отпустили. Шел к себе, даже пот холодный выступил. «Брехня, – думал он, – здесь тоже есть справедливые люди. Игрок – молодец, а Длинный наверняка получил малевку от Белого, на роже у козла написано».

На зоне мужики недолюбливали Длинного, но с воли его хорошо поддерживали, так и держался он смотрящим, когда есть деньги – ты на зоне фраер.

Длинный передал Белому ответ: «Опустить не получилось, передай какой-нибудь отравы, траванем козлятину». Белый согласия не дал: «Я тебя за какой хрен грею?! Чтоб ты порядок держал, а ты, вижу, ума не можешь дать одному мужику. Думаешь, я здесь не рискую, добывая копейку, да не меньше, чем ты, а то смотрящим можно и другого поставить, если ты не в состоянии за свой базар ответить». Длинный почувствовал исходящую от Белого угрозу, а с таким денежным мешком ссориться – себя не уважать, достанет, где хочешь, хоть на Земле Франца-Иосифа. Он срочно вызвал к себе своих должников, двоих абхазцев:

– Так, братья-абхазцы, слушайте меня внимательно. Вы задолжали за анашу уже полторы штуки, а отдать по всей вероятности нечем, ну а я вас и не подгонял с отдачей.

Длинный всегда имел таких должников, которых в любую минуту можно было использовать, как камикадзе. Те снова попросили отсрочки с долгом:

– Братан, через двадцать дней – свидание с родоками, отдадим сразу, базара нет.

– Нет, мои хорошие, срок и так давно вышел. Я молчал, все ждал, имею право потребовать свое. Мне сейчас бабки нужны как воздух, или, мужики, отработайте свое, тогда я спишу долг, и вот сколько шалы получите, – он достал из-под подушки и показал кулек с полкило, – после того, как опустите одного мужика. Чтоб его на зоне не Игорем звали, а Маруськой.

Те переглянулись друг с другом и ухмыльнулись:

– Да за такой кулек шалы можно и кума трахнуть!

– Вот и хорошо.

Длинный объяснил, кто такой Таяновский, и братья-абхазцы начали охотиться за ним, чтобы поудобней подобрать момент и место, взяв еще одного земляка в этот сексуальный пай.

Ночами Таяновский полуспал, открывая глаза при любом шорохе и скрипе, боясь, как бы сонного не задушили. В голову разные мысли лезли: и Длинного убить, и убежать из зоны, и нанять через Пашку киллера, чтобы Белого убрать... Чего только не передумал он за эти ночи! А тут еще по зоне пошел слух, что наши умные депутаты решают вопрос об амнистии туберкулезникам, женщинам и с первой судимостью по определенным статьям. Он как раз попадал в разряд амнистируемых и молил Бога: «Хоть бы дожить, не задушили бы», но тучи над ним сгущались.

Как-то Таяновский приболел и не пошел со своим отрядом мыться, лежал с высокой температурой, наглотался таблеток и закутался с головой в одеяло. В санчасть решил пойти с утра, если не спадет температура. Вдруг слышит, что поскрипывает пол, в нескольких шагах от койки доска, прогибаясь, скрипела, этот скрип Игорь давно уже выучил. Только хотел приподнять одеяло, чтобы посмотреть, кто там, как на него набросились трое кавказцев. Игорь начал вырываться, никак с койки не мог встать в полный рост. Успел только локтем ударить одного в голову, другого чуть задеть головой, третий чем-то тяжелым ударил его по затылку. Таяновский, бесчувственный, обмяк на койке.

Когда абхазцы заходили в барак, их увидел один из знакомых Игоря, услышал крики и маты и побежал в баню все рассказать Деду. Тот еще не успел толком раздеться, накинул фуфайку и бегом в свой барак, к Игорю.

Кавказцы быстро справились с Таяновским, связали ему руки и ноги и стащили до колен спортивные брюки. У Таяновского хоть и хлесткий был удар, но, когда очнулся, был связан по рукам и ногам. Один из зеков, которого Игорь ударил по голове, говорил:

– Я, братаны, его буду делать первым.

Таяновский лежал на койке буквой «Э», те двое накрыли голову подушкой, чтоб не орал, и вдруг заскочил Дед со своей братвой, и прямо к ним с криком: «Поколю всех уродов, мне терять нечего!», размахивая перед собой блестящим лезвием ножа.

Насильники кинулись врассыпную. По зоне знали, что шутить с Дедом не стоит, почти отжил свое, зоновская жизнь недолгая. Дед подбежал к Игорю и своей финкой перерезал веревки на ногах и руках, тем временем двое уже били абхазцев. Игорь вскочил и тут же побежал на помощь своим друзьям. Драка продолжалась еще минут десять. Обидчики Таяновского валялись между коек. Дедова бригада отбивала им все что можно, так даже животных не бьют.

– Спасибо вам, ребята, – тяжело дыша, сказал Игорь, – еще бы минут пять, и трахнули бы, скоты, вы вовремя успели.

– Скажи спасибо Шурику, он прибежал сказать, – ответил Дед.

– Благодарю, мужик, за мной не заржавеет, грев с воли придет, рассчитаюсь, – похлопал Саню по плечу Таяновский.

Так и закончилась вторая неудачная попытка опустить Игоря. На следующий день Таяновский пошел в санчасть, и его положили с воспалением легких. Дядя Миша пришел его проведать и принес письмо от дочери.

– Дядь Миш, все идет от Длинного, – сказал Игорь, – я больше чем уверен.

– Да, многие на него обижаются, – ответил Дед, – надо что-то придумать, иначе он тебя в покое не оставит, а по зоне с тобой за руку ходить не будешь.

– А что можно придумать? – спросил Игорь.

– Поговаривают, что амнистия будет. Тебе, Игорек, надо перебраться на другую зону. Пиши своему другу письмо, пусть приезжает с деньгами, а мы что-нибудь сделаем. Игрок в неплохих отношениях с хозяином, думаю, что договориться сможет. Пока ты этапом доедешь до нового местожительства, там, глядишь, и амнистия.

Так и условились. Дядя Миша ушел, Игорь стал читать письмо дочери: «Здравствуй, папа. Письмо я твое получила, ты пишешь, что у тебя все хорошо. У меня тоже все нормально, только в этой четверти по английскому поставили четыре. С Колькой, тетя Наташиным сыном, я дружить перестала после одного случая. Каждый день бабушка посылает меня за хлебом или покушать что-то купить, вот я и пошла. Подхожу потихоньку к магазину, смотрю, тетя Наташа подъехала с каким-то дядькой на иномарке. Она поздоровалась со мной и даже не спросила, как ты там, пишешь домой или нет...»

Игорь уже сам два месяца не получал от Наташи ничего и догадался, что это конец дружбе. Письмо дочери было тому подтверждением. «Ну, на нет и суда нет», – решил Игорь и продолжил читать: «...Я хотела позвать Кольку, он сидел в машине на заднем сиденье. А он как будто не заметил и отвернулся в другую сторону. А может, мать запретила, да он мне и так в последнее время не нравился – такой зазнайка стал! Бабушка говорит, по телевизору слышала, что будет амнистия, мы тебя очень ждем. Дядя Паша, когда приезжает, всегда заходит к нам, спрашивает, чем помочь. Бабушка дает ключ от твоей квартиры, и он там живет. Целую, пиши. До свидания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.